

Борис Корнев

**Профессиональный
*дилетант***

Борис Корнев

Профессиональный
дилетант

Повесть-эссе

«Историческая иллюстрация»

Санкт-Петербург

2017

Корнев Б.Ф. Профессиональный дилетант:
Повесть-эссе. – СПб.: Историческая иллюстра-
ция, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-89566-178-9

В этой повести речь идёт не о тех, кто изначально правильно сделал свой выбор и стал популярным артистом, известным учёным, высококлассным токарем или выдающимся спортсменом. Здесь рассказывается об одном человеке, который, повинувшись случайному стечению обстоятельств, приспособившись к резко меняющимся внешним условиям, следуя своим интересам и влечениям, волей-неволей становился дилетантом, имеющим лишь поверхностные знания в избранной области.

Специалист угнетает собственную фантазию, та скорее посещает дилетанта и в науке, и в искусстве... и... в жизни. Специальные знания требуют от человека внимания к отдельным фактам и деталям, не давая порою увидеть главное, мешая и даже запрещающая ему принять какое бы то ни было решение.

Среди «невежд» и «верхоглядов» есть такие, которые свой сформировавшийся с годами дилетантизм с успехом применяют там, где никакой профи не может сформироваться: нет ещё такой профессии. Вернее, профессия есть, и название для неё есть – профессиональный ДИЛЕТАНТ. Не забудем, что слово это происходит от итальянского «дилетто», означающего «удовольствие».

Редактор – Ирэна Сергеева
Художник – Андрей Спиридонов
Корректор – Людмила Образцова

© Б.Ф. Корнев: текст, 2017

© «Историческая иллюстрация», 2017

Июнь. Цвет зелени сквозь пелену влаги оттеняет холодную гладь неба. Воздух насыщен сладким ароматом цветущей сирени, яблони и рябины. Он опьяняет и пробуждает воспоминания о чём-то милом и нежном. По прошествии стольких десятилетий, встретив однокашников, легко оглядываться в прошлое! Ещё лет двадцать назад было не так. А теперь совсем не чувствуешь этой дьявольской смеси из давно остывших страстей – зависти, ревности, гордости, потока развеянных мечтаний. Бездействует и печально известный эффект «портрета Дориана Грея». Вместо того чтобы изумляться старению одногодок, вглядываешься в их лица и с головой окунаешься в юность. Угадываешь озорной блеск в глазах приятелей молодости, превратившихся в степенных

учёных мужей. Вспоминаешь ещё не приглушённые годами порывы души и знакомое, чуть заметное движение руки когда-то понравившейся девчонки... Слышишь беззаботный смех, вновь чувствуешь радость от дружбы в походах, на празднованиях дней рождения, в стройотрядах. Почему-то именно там, а не на уроках, лекциях или семинарах, где нас испытывали бесконечными «тестами на выживаемость».

Как всплывают воспоминания? У всех по-разному. У меня сначала появляются запахи, звуки, красочные картинки, а уж потом они влекут за собой события и факты. Помню боль в руках, когда, насмотревшись фильма «Человек-амфибия», мы, будто в воду, «Ихтиандром» ныряли с парты на пол. Слышу музыку французской речи нового учителя литературы. Чую острый запах аммиака, выползающий из-под неработающих вытяжных шкафов в лаборатории. До сих пор ощущаю дым от папирос профессора на всех его лекциях по неорганической химии и

кисловатый привкус в воздухе после запуска в полёте главной лестницы факультета ритуальной ракеты на День химика...

А танцы под «Мишель» на верхнем этаже общежития! Там, в конце коридора, притаилась маленькая комнатка. В ней после военных сборов одно время скрывался от коменданта наш однокурсник. Изголодавшиеся по острым ощущениям, в этой забытой Богом каморке мы днями напролёт играли в покер. Время от времени выныривали в коридор и, проплывая мимо пришедших на танцы, стреляли сигареты. Потом вновь погружались в мир искусственных эмоций... В комнате не было ничего особенного – железная койка с давно не стиранным бельём, длинный стол, сколоченный из досок, и шесть табуреток. На столе невесть откуда взявшаяся потёртая бархатная цвета бордо скатерть с рюшами. Ещё на вбитом в стену гвозде висела корзина с книгами. Такая простая плетёная корзинка для ягод, и в ней, помню, «Игра в бисер» Гессе,

«Милый друг» Мопассана, а рядом с каким-то учебником по органической химии – «Маленький принц»...

Как же хочется вернуться в то время! Тогда свежесть чувств ещё не успевала поблекнуть под гнётом вездесущего рассудка!

Теперь, спустя столько лет, ясно осознаёшь, что все эти годы в первую очередь мы искали самих себя. Искали, будто в фантастическом романе, как в «Игре в бисер», порою не зная правил и пытаясь совместить несовместимое. Пробовали новое, ошибались, набивали синяки и шишки, вновь бросались в омут неизведанного. При этом мы всегда помнили известную истину – «Человек не сможет открыть новые океаны, пока ему не хватит мужества потерять из виду берег»...

От укоренившейся привычки к трудностям и к постоянной борьбе за «счастлирое будущее» на глазах появлялись шоры. Они заслоняли множество других возможностей для самовыражения. И тогда мы вынуждены были заниматься тем, что противоречило изначальному предназна-

чению. Душа постепенно тускнела, заполнялась рассудительностью, рассчётливостью, пропадал блеск глаз, исчезало чувство упоения и радости.

Вместо того, чтобы сначала понять самого себя, раскрыть способности, избавиться от разрушительных убеждений или комплексов, часто силятся разобраться в окружающей обстановке. Конечно, искать себя трудно. Мы боимся этого больше всего на свете. Кажется, если не побывать у врача, то и болезни не будет. Как похоже на не очень складные, но точные по передаче чувства слова из песни: «И солнце б утром не вставало, когда бы не было меня...»

Вот именно! Солнце не только не встанет. Оно не будет освещать твой жизненный путь. Жизнь у каждого одна, и свет для каждого свой. Для фанатика это факел, прожектор. Вспыхнул однажды, ослепил, и – никаких сомнений! Вот и бежит такой безумец, будто глупый заяц перед зажжёнными фарами «мерседеса». Ведь прожектор только тогда не слепит, когда

светит в спину. Другой, не инфицированный патологической идеей, плывёт от звезды к звезде, попадая в ловушку их поля притяжения. Так и блуждает в бесполезных поисках своего «я», копируя кумиров и идя за кем-то на чужой, невидимый ему свет. По сути это чёрная дыра. Свет от такой звезды из-за её огромности не может оторваться. А во тьме крошечной даже не знаешь, чего хотеть. Обычно хотят изменить свою жизнь, но не знают, как и, что ещё важнее, – в какую сторону. Оставаясь в темноте без поводыря, волея-неволей начинаешь самостоятельно искать свой Очаг. Ищешь как умеешь. У одного это происходит быстрее, у другого – медленнее. Кому-то остаётся всего лишь шаг. Но этот шаг порою оказывается длиннее жизни.

Знаю, для многих наступал такой момент, когда нужно совершить прорыв, выйти за рамки привычных представлений о возможном. Почти всегда это соседствует с опасностью! Неизбежно наступает своеобразный «флаттер» – жёсткая

вибрация души и тела. Некоторые не выдерживают – сбрасывают скорость. Лишь отчаянные нажимают на газ и попадают в сверхзвук. Эти познают радость движения по жизни! Они, будто в сёрфинге, наслаждаются долгим скольжением по склону волны. Нужно лишь научиться подольше оставаться на её вершине в ожидании подходящих изменений, хорошо владеть самим собой и чувствовать малейшие дуновения ветра.

В девяностые, на перепутье эпох, свежие новости больно давали о себе знать. Зачастую они противоречили старой картине мира. А новую мы никак не могли себе представить. Тогда многие по нескольку раз вынужденно ломали свою жизнь и потом мучительно искали любую кочку, на которую можно было бы опереться в трясине всеобщей неопределённости. Вокруг были иные люди и непривычные, несовместимые понятия и эмоции. Газеты с множеством орденов Ленина над названиями ругали советскую власть... Длинные ряды мёрзнувших у метро плохо оде-

тых людей продавали книги, носки, напильники... А где-то блистали роскошью корпоративы, дурманил запах дорогих лосьонов, хороших сигарет и упругих пачек новеньких долларовых купюр. Криминал, бандиты, чиновники с неизменным «нет» на любую просьбу... Деньги, деньги, деньги...

Многие к таким поворотам судьбы были не готовы. «Когнитивную ригидность» приходилось гасить. Одни заливали душу алкоголем. Другие, наталкиваясь на разбросанные повсюду завлекающие игрушки, ринулись в бизнес. И те, и другие потом пополняли своими надгробиями городские кладбища. Тогда никто из них даже не догадывался, что только пять процентов от всех людей на планете могут заниматься предпринимательством. Такие из двух рублей сделают три, а потом ещё тридцать три, и дадут работу другим. Тогда ещё не знали, что бизнес может породить дружбу, но дружба бизнес – никогда! Мы переносили в новую неизведанную среду обитания привычные челове-

ческие чувства: обиду, ненависть, любовь, зачастую по привычке одной рукой брали то, что плохо лежит, другой — тут же отдавали первому встречному жулику, выбрасывали деньги, чтобы «не пропали», одним глазом на икону дивились, другим — на ток-шоу в телевизоре.

Несмотря ни на что, выжили и те, кто остался верен своему первоначальному выбору. Их совсем немного. Сейчас они преподают то, чему учились, они в науке, у них есть свои ученики. Некоторые девицы удачно вышли замуж и посвятили себя семье и детям; третьи уехали за границу и там пытались найти применение своим умениям... Кто-то, как в набитый людьми «трамвай желаний», всё-таки влез в бизнес, в управление, в политику.

Так или иначе, но всё это время каждый искал свой приют души, этакую Бухту Провидения. Не тихую гавань, где можно укрыться от житейских бурь! Другое! Место, где не успеваешь фотографировать всё, что тебя окружает. Дело, которое сначала раскрыло твои способности,

а затем позволило их реализовать... Люди, с которыми ты работаешь, с кем дружишь, кого любишь...

Если тебе повезло, и это случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окружающим миром и, что ещё важнее, с самим собой! Больше не нужно ничего ломать и переделывать, «высокие горы сдвигать», «менять течения рек», «по полюсу гордо шагать»... Ты почти счастлив!

Почему почти? А вдруг в тебя проникнет хандра или подберётся тоска по буйной молодости... Тогда знаешь что? Отвлекись на минуту от родных, от любимого дела, сядь в машину и поезжай в большой город, возьми мою собачку и поброди с ней на поводке по тихим улочкам. Увидишь тех, кто в утреннем сумраке тёмной массой движется от метро к какому-нибудь НИИ. Они, будто инопланетяне, с вечными наушниками от телефона и на ходу разговаривают сами с собой. Подожди, пока рассветёт, выйди на проспект и ты столкнёшься с иными. Эти снуют туда-

сюда, в них ещё кипят неуёмные желания, они рвутся куда-то и жаждут богатства...

Увидел? И тех и других? Правда же, ты испытал необычное наслаждение? Теперь гони обратно и учись ценить, использовать и любить каждое мгновение твоей жизни!

*В пустом, сквозном чертоге сада
Иду, шумя сухой листвой:
Какая странная отрада
Былое попирать ногой!
Какая сладость всё, что прежде
Ценил так мало, вспоминать!
Какая боль и грусть – в надежде
Ещё одну весну узнать.*

Иван Бунин

1.

Он сидит на дощатом полу старого деревянного сарая и шариковой ручкой что-то сосредоченно записывает на перевернутом листе непригодившихся обоев. Иногда задирает голову вверх и внимательно всматривается в свисающий с потолка обрывок пыльной паутины. Будто там ищет

ответы на трудные вопросы. Вокруг сарая растут клёны. Через щели в стенах и дырявую крышу внутрь залетели их бордовые и жёлтые листья. Они украшают со всех сторон длинное белое полотно. На шершавой бумаге время от времени появляются чьи-то имена. Всякий раз, попадая в место над трещиной в полу, авторучка с резким звуком протыкает лист обоев и лист клёна под ним. Становится больно... Тьма воспоминаний... Бессильные поиски просвета... Но вот озарение! В сумраке сарая, как живой, возникает образ бородатого старца, склонившегося над свитком, куда остро заточенным гусиным пером он заносит летопись своей жизни...

Есть такая психотерапевтическая техника: чтобы упорядочить болезненный шквал эмоций, нужно попытаться вспомнить тех людей, с которыми ты встречался. Вспомнишь, потом одни имена нужно обвести синим, другие красным фломастером... Якобы сразу станут понятными все переживания и ты даже сможешь их контролировать. Вопрос в том, кого удаст-

ся вспомнить? Это, наверняка, несколько сотен человек! И в какой цвет их разукрасить?

Вокруг слов, выписанных на бумаге, наконец-то стали возникать синие и красные линии. Одни имена зарождались из-за сильных чувств, связанных с ними в прошлом, другие – соединялись с запахами, яркой окраской, звуками. Фамилии, имена, иногда просто поясняющие слова появлялись сначала в хронологическом порядке от самого детства к юности, потом вдруг без всякой связи с возрастом, ни с того ни с сего. Иногда эти слова возвращались в начало листа, возникали где-то с краю, приобщая новых персонажей к уже названным. Обведённые жирным красным фломастером, они, словно искусственное кружево, дополняли багрово-жёлтый ковёр из сухих многолетних листьев. «Метра три ушло на детство и юность, – подумал создатель цветного узора, – ещё много осталось!»

Сухощавый высокий мужчина с русыми, но уже изрядно поседевшими волоса-

ми, на вид лет пятидесяти, прилёг на спину, подложив под голову ещё не размотанный до конца рулон обоев. Новый пиджак и брюки, белая сорочка и галстук ему совсем не мешали. Будто он и не покидал своего рабочего кресла. Кресло само вдруг перенесло зачем-то Сергея Астахова в этот заброшенный старый сарай... Словно инородное тело, чуждое естественной природе.

Неопределённость во всём для Астахова была естественной средой, как воздух, как вода. В другом мире он бы не выжил. Его образ поведения покоился на трёх «китах»: «В одно и то же время быть и здесь, и там», «Немедленно ждать – своими решениями не уменьшать количество возможностей», «А если уж начинать, то с мелочей – дьявол именно там».

Сегодня эта неявность, косвенность и расплывчатость довели его до отчаяния. Только тупая боль в сердце была внятной и понятной. Она не проходила уже второй день. Именно из-за неё вчера Сергей, наконец, решился и оборвал укоренившуюся в последние месяцы привычку: вста-

вать рано утром, мыться, бриться, надевать сорочку, костюм, повязывать галстук, наливать чашку кофе и усаживаться в кресло. Он мог так сидеть часами, почти каждый день. Просто сидел и ни о чём не думал. В душе всё клокотало, но мысли не рождались. Ни единой! Мелькнёт какая-то, зашевелится, с трудом выдавая очертание идеи, но безуспешно. На стене, напротив кресла, как в кино, появлялись и исчезали лица, документы с пульсирующими цифрами или целыми строчками... Яркие сцены «проколов», «наездов», заказных арестов и «стрелок» особенно волновали Астахова. Это мощное напряжение оставалось внутри и, не находя выхода, угнетало его.

Примерно после двух часов дня медитация сначала вздрагивала, а затем и вовсе прекращалась, переходя в реальность. Разными мелодиями из французского фильма «Профессионал» давал о себе знать телефон. Звонили приятели, бывшие сослуживцы, даже незнакомые люди. Одни, разобравшись с утренней сумяти-

цей своих дел, хотели узнать от него что-нибудь новенькое. Другие, по привычке уторговывая, пытались лишь мельком обозначить контуры «небольшой проблемки». Не просили помощи. Боже упаси! Вдруг сам клюнет и бросится на помощь. Все помнили часто повторяемые Астаховым слова из фильма «Крёстный отец»: «Самое выгодное – помогать людям. И в нравственном и в финансовом смысле». Они знали, что, как и подобает генетическому посреднику, медиатору и процесснику одновременно, он постоянно вращается среди нужных людей, и, конечно же, к нему неотвратимо прилипает информация. Разные слухи, факты, не важно, о чём.

Но вот что Астахов не растерял из своей прошлой аппаратной жизни, так это способность мгновенно выбирать среди огромного массива шелухи то, что наверняка будет интересно собеседнику.

Сергей прервал свои ежедневные занятия и как был, в костюме, так и уехал в деревню. Телефон выключен. Механизм

воспоминаний, разогретый бутылкой «Гленфиддих-18», продолжал крутить свой маховик, разнося вокруг завораживающее благоухание односолодового виски с тёплым запахом пряностей, нотками верескового мёда и спелых фруктов...

Перед глазами то и дело возникали уже давно забытые персонажи, связанные с ними переживания захватывали, как прежде. Каждый вспомнившийся факт вызывал у Астахова целый букет ощущений: от глупой радости при воспоминании, как он ловко в детстве обманывал бабушку, ложкой забрасывая за шкаф невкусную кашу, до внезапной тревоги, неприятного жжения в желудке и помутнения в голове от потока жутких картин из взрослой жизни.

Аромат виски заполнял всё вокруг...

Но другой запах вдруг перешибает этот... Сергей поперхнулся, вспомнив два дня, проведённые в трюме небольшого торгового судна. Там в тридцатиградусную жару он задышался от паров мочи. Их связали, с высоты пяти метров сбросили

вниз и задраили крышки люка. Двадцать советских студентов-практикантов, собранных по всему Вальпараисо, они лежали друг на друге, без еды и воды, не имея возможности даже пошевелиться... «Прямо как молодогвардейцы! – вспомнив, подумал Астахов. – А тогда была одна мысль: „Хорошо, что не с вертолѐта в жерло вулкана, хорошо, что не на стадионе рядом с портом“. Там каждый час звучали выстрелы... Страшно было – никого не помню... Хотя нет...

«Вовка из комитета комсомола МИСИ, член вузовской команды КВН».

Как эпиграф к этой жуткой истории, звучали слова члена бюро райкома, рабочей с текстильной фабрики. Строгая полная женщина, похожая одновременно на учительницу и на главбуха, изрекла: «Нужно предложить ЦК ВЛКСМ взять товарища Астахова, только что принятого нами кандидатом в члены партии, в состав делегации в Чили, в помощь нашему посольству... Пока не поздно». На бумаге появляется:

«Ткачиха».

«Не фигу себе! – подумал тогда Сергей. – На край света! Но ведь другой член бюро, академик, уже поручил мне защитить в срок диссертацию! Как же? И туда и сюда... Хм. Пока не поздно...»

Там, на другом полушарии, когда они приземлились, уже бомбили дворец Ла Монеда.

Астахов поймал себя на мысли, что факты его биографии цепляются друг за друга и выстраиваются в довольно стройные ряды: по видам, запахам и их причинам. Правда, время от времени происходят сбои в хронологии. Это раздражало. Тогда, размякший от алкоголя, он отключался и засыпал. Видения уносили его в чужую жизнь. Наверное, рассказы этих людей или об этих людях когда-то глубоко врезались в его сознание и теперь навязчиво напоминали о себе.

Перед сном отец маленького Серёжи много и интересно рассказывал о войне. Прямо как сказку на ночь. Особенно не вдаваясь в рассуждения о патриотизме, о Родине и других высоких понятиях, он

просто рисовал картины боев. Тогда в воображении засыпающего ребёнка они все перемешивались, как в игрушечном калейдоскопе. В памяти остались только: орден Суворова и то, каким сильным и храбрым был его отец.

Наверное, поэтому для Сергея, да и для многих других таких же мальчишек, игра в войну была самая любимая. «Кто за наших?» «Кто сегодня за немцев?» Этих выбирали по очереди, потому что их все ненавидели, и они всегда проигрывали. Так сильны были впечатления от главной трагедии XX века. У кого-то нет отца, у кого-то брата. У тех вся семья погибла...

Постепенно, уже в школьные годы, ночные рассказы переходили в разговор отца с сыном. Становилась понятнее полная картина всего, что произошло в те трагические для страны годы. Как и почему его отец выбирал свою судьбу, принимая в критические моменты такие трудные, но свои, самостоятельные решения?

Гораздо позднее, побывав в Афгане, Сергей понял, что выбор всегда неизбе-

жен. Выбор единственный способ изменения отношений человека как с самим собой, так и с окружающим миром. Он, будто лакмусовая бумажка, обнажает истинную сущность каждого. Война лишь самое беспощадное средство решения. Астахов знал, что его отец всегда был уверен, не убеждён, а именно уверен, в понимании последствий принимаемых непростых решений. Так было в самом начале войны под Двинском, когда его десантный взвод беспорядочной стрельбой из миномётов пытался задержать немецкие танки... И потом, когда он, раненый, попал в плен, и когда бежал, и когда стал начальником штаба партизанского отряда... Астахов аккуратно вывел слово:

«Отец».

Ориентируясь на запах и, должно быть, на закрепившееся со школы влечение к французской литературе, память, вспорхнув, мгновенно улетала совсем в иное время и в другую страну... «Запах знакомый, но чувства он вызывает непривычные, — подумал Астахов. — С чего бы это?»

Зимний Париж, улицы покрыты плотным слоем помоев. Они припорошены снегом. Люди, спотыкаясь, обходят затвердевшие на морозе кучи. Кто-то неуклюже тащит огромный кусок копчёного мяса... «Впечатления настолько яркие, что кажется, будто всё это происходит со мной... Но это точно не я, – сообразил Астахов. – Я знаю! Это студент Сорбонны несёт добычу к пещере на пустыре Люко, что в конце Латинского квартала. Там его ожидает пиршество с вином, игра в покер, и все будут слушать баллады их приятеля, новоиспечённого магистра искусств...» Лицо Астахова расплылось в широкой, почти бессмысленной улыбке, поток воспоминаний замер. На обойном рулоне появилось имя:

«Франсуа Вийон».

«Да, но это же пятнадцатый век! Так нельзя! Нужно будет спросить психологов... А Вийон-то тут при чём? Как при чём, – отвечал сам себе Астахов, – такой же дурак, как я, купающийся в неопределённости, всюду вхож, не знает только самого себя».

В школе читали наизусть Вийона, Бомарше, Корнеля... Слушали музыку их баллад, комедий и трагедий, умудрялись как-то соединять это с ощущениями от созерцания полотен импрессионистов... Чуть позднее всё перевернул фильм «Девять дней одного года». Астахову надолго врезались в память кадры, когда будто из глубин осциллографа показывают глаза артиста Баталова, видящие долгожданный пик на экране прибора. Это нейтроны... Наконец-то они их получили! Но какие глаза! В них радость и ужас одновременно. Герой фильма «схватил» этот поток элементарных частиц, губительных для всего живого...

«Артист Баталов».

Так неожиданно любовь Астахова оставила литературу и привела к науке, к риску поиска чего-то нового. Эти загадочные и влекущие к себе электронные облака! Такие разные – «шары», «восьмёрки», «бесконечности»... Чуть касаясь друг друга, они творили и изменяли мир! А «принцип неопределённости Гейзенберга»! Ну

почему одна частица – целая «бесконечность», а не просто точка? В одно мгновение она и тут, и там...

«Значит, говоришь, любишь электроны и физику? – спрашивала Сергея женщина, принимавшая его документы. – Очень хорошо! Но ненавидишь математику... Хм... Как же быть?»

Замдекана химфака, её все звали Нинэль, подсказала Астахову: «Подавай на радиохимию. Туда берут одних парней, проходной балл ниже и электронами налюбуйешься всласть».

Эта женщина ещё не раз повлияет на его судьбу...

«Нинэль».

Уже на втором курсе она предложила Астахову создать малый факультет для старшеклассников, потом согласилась с его идеей на Дне химика организовать работу студенческого пивбара.

Как сейчас, перед глазами Сергея финал торжественной части этого праздника и огромная очередь студентов, спускающихся по лестнице прямо в «пятую ауди-

торию». Там – нечто невообразимое! Свет погашен. Окна завешены разрисованными гуашью листами ватмана. На них средневековые алхимики, монахи, костры с еретиками... На столах горящие свечи, гранёные стаканы за семь копеек и бутылки с «жигулёвским», в углу огромная чаша на абстрактном постаменте из ломаных стульев, а в ней долго-долго горит какая-то вонючая жидкость... Все пьют, поют, курят... Сквозь густую пелену табачного дыма видны счастливые лица и живой блеск в глазах. Радость общения – отдушина от официоза! Взобравшись на стол, народный артист Игорь Дмитриев читает что-то из Гамлета про «химию» души. Вот на другом столе – поёт про любовь Александр Хочинский... Вдруг в этот «поэтический беспорядок» тихо входит Нинэль, нежно берёт Астахова за локоть, сдувает пепел от сигарет с эполет его генеральского кителя и с дрожью в голосе спрашивает: «Ну, как, Серёженька, получается?..»

Тогда такое называлось общественной работой.

Через три года распределение. И снова Нинэль: «Ты у нас, Серёженька, ответственный товарищ, общественник. Тебе работать в мировом океане, на кораблях науки...» Так с полуоборота Сергей очутился в Северно-Ледовитом океане со всеми его прелестями. Потом, видимо, вспомнив об активном студенте с его увлечением электронными облаками, эта же Нинэль предложила Астахову целевую аспирантуру с привлекательной для него специализацией «химическая физика».

Физика не физика, но начинающий аспирант должен был в реальности сделать то, что мельком нарисовал на куске газеты его научный руководитель. И вот он уже прикладывает к кристаллику электрическое поле с напряженностью в три тысячи вольт. Диполи внутри кристаллической решётки сразу же выстроились, как по команде. Если отпустить – разбегутся! Тогда он охлаждает их до температуры жидкого азота, и они стоят как вкопанные, не шелохнутся. Теперь можно тихонечко отпускать, постепенно нагре-

вая всё это чудо... Кстати, появлялся такой же пик, как и в его любимом фильме. Это совсем ничтожные токи в десять в минус семнадцатой степени ампер. По мере увеличения температуры они зарождались, чуть-чуть росли, а потом диполи рассеивались кто куда, и ток исчезал... Здесь пик тоже вымученно ждали! И так же, как в фильме, очарованный всем новым, Сергей каждый день проходил в лабораторию, не обращая внимания на частую барабанную дробь счетчика Гейгера.

«Шеф по науке. Учитель».

Если оглянуться и не обращать внимания на нюансы, легко увидеть, как судьба катала Астахова по жизни. Сначала школа – литература, искусство философия... – воспитание чувств. Пятёрка по химии – значит в химию! Университет – наука, логика, аргументы – упорядочение чувств... Потом месяцы холодных ветров Арктики и два кошмарных дня в Чили... Сразу в партию... Как же – сразу! Это рабочих сразу! «Один к шести» никто не отменял! ИТРа туда, как к звёздам, – только через

тернии... Защитил в срок диссертацию. Молодец! Теперь – в закрытый НИИ. Здесь чуть не схлопотал первый в жизни выговор. За что? Кто бы мог подумать! Из лаборатории, где работал Астахов, шли потоком письма с жалобами на её начальника. Что делать? Сергей, тогда уже секретарь партбюро отдела, начал его критиковать... Отчаянно, надо сказать, критиковал. Прямо как в кино. Но не всё так просто. Обиженный начальник заготовил для Астахова выговор. Наказание-то хоть и для мэнээса, но и для секретаря первичной парторганизации! Нужно согласовать в парткоме. Там разобрались и... отказали.

А через месяц вызывают Сергея в райком и предлагают работу инструктора. «Знаешь, не было бы той истории с выговором от твоих начальников, не предлагал бы...» – как-то задумчиво, будто сомневаясь в чём-то, произнёс секретарь райкома...

«Новиков».

Если партия предлагает, значит нужно выполнять! Вон, на крыше светится: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпо-

хи!» Раздумья здесь неуместны. Точно так же ровно через год пришлось явиться уже в Большой дом на Литейном. Из партийного аппарата набирали по «андроповскому призыву». Как двадцатипяти тысячников в деревню после смерти Ленина. Тот же секретарь райкома умолял Астахова: «Только не отказывайся! Только не отказывайся...» Даже сигарету дал, хоть сам и не курил никогда. Секретарша за чем-то вошла и тут же выскочила. Потом на весь райком разнесла, как Астахов прямо в кабинете у «первого» сидел и дымил... «Небось уже давно „там“!» – при этом большим пальцем она показывала куда-то в сторону. Не наверх, надо отметить. Понятливая была.

«Секретарша „первого“».

«Там» пронесло. Оказалось, один глаз вдаль хуже видит. Всего-то полдиоптрии! Но как раз тот, который прицеливается. Астахов отлично знал, если уж попал в список – теперь никуда не денешься! «Не к нам – так в Афган!»

Это тогда называлось «расстановка кадров».

Похудевший, но возмужавший и совсем не загоревший, он, как и полагается в номенклатуре, очутился в отделе науки и учебных заведений обкома. Всё пошло по второму кругу. Философия, политэкономия, история, опять университет, гуманитарные вузы, театральный, Мухинка... Только теперь, как бы с другой стороны... Такая вот жизненная метаморфоза! Своеобразная иллюстрация закона развития «Отрицание отрицания» на судьбе одного отдельно взятого индивида.

Должно быть, именно знание того, что за всё отвечает не он, а законы диалектики, гасило сомнения Астахова в способности понимать проблемы психологического климата в среде филологов Пушкинского дома и учёных востоковедов, изучавших язык, на котором уже давно никто не говорил.

«Николай Николаевич и Юрий Ашотвич».

Эта же метаморфоза позволяла Астахову вовремя почувствовать губительный перекося в соотношении математики и аст-

рономии в известном академическом институте.

«Академик Прохоров – нобелевский лауреат».

Сергей не знал и терпеть не мог математику, но его считали своим даже в математическом институте, что на Фонтанке. И там были вехи...

«Людвиг и его ученик Стас».

Молодые математики – доктора наук всё время что-то выписывали на досках, развешанных повсюду, разве что не в туалетах... Казалось, им ничего в жизни не нужно, только бы рисовать мелом на чёрной доске какие-то знаки, ровные ряды латинских букв с обязательными вкраплениями греческих... Ведь, если подумать, так похоже на то, чем уже пятый год, находясь в партийном аппарате, занимался он, Сергей Астахов!

2.

Узкая двухцветная полоса узоров из разукрашенных слов двигалась вверх и

всё чаще упиралась в рулон, который, раскручиваясь, обнажал полотно всей жизни Астахова. Но эта картина казалось ему плоской, куцей, чёрно-белой. Когда плохо – красный, хорошо – синий. Плохо – хорошо, плохо – хорошо... Если бы в жизни можно было так всё разом взять и оценить!

Тут хронология событий и имён снова нарушилась, пошли совсем незначительные встречи с людьми, о которых он почти ничего не знал, кроме несуразной кепки на голове или до невозможности хриплого голоса. Это «слабые связи». Именно их незаметное воздействие, так же, как прикоснувшиеся друг к другу электронные облака, постепенно размывало энергию другой, более мощной связи, взламывало почти непроницаемую и уже ставшую привычной для него оболочку. Этот незримый кокон долгое время обволакивал Астахова, ограничивая круг его общения, интересы и устремления. Работа, друзья, семья... Работа, друзья, семья... Сергей взглянул в начало рулона, залпом,

словно водку, выпил полстакана виски, и перед его глазами, в ушах, во рту, в носу, в желудке что-то начало бурлить и подниматься, орать, царапать, бить...

Вот он кричит... Маленький, ещё грудной младенец, кричит всякий раз, когда мать садится с ним в электричку, чтобы ехать на дачу...

«Мама».

Тошнит от укачивания. Тошнит в парке на детских качелях, в грузовике на ухабистой дороге в деревню к бабушке...

«Бабушка»...

Потом – в полярной экспедиции от качки маленького гидрологического судна, прыгающего из стороны в сторону на пятибалльных волнах. Мутит от сознания того, что перед его глазами только что взлетел маленький полярный самолёт и исчез в сером арктическом небе. Это лётчик, продолжая кружить вокруг спрыгнувшего на ходу гидрохимика Астахова, вдруг увидел высокий столб воды из просверленной лунки и резко взял вверх, оставляя его одного...

«Пилот Костя»...

Муторно ещё и потому, что из пяти выделенных для экспедиции самолётов четыре уже угробили. А в последнем даже погиб радист Лёха. Чтобы успеть передать по радиации место аварии, он вернулся в самолёт, зацепившийся одним крылом за сломанную льдину. Через мгновение машина с красными полосами на фюзеляже развернулась и стала медленно исчезать в полынье. Первая смерть, которую Сергей видел собственными глазами.

«Алексей».

А впереди ещё полсотни таких же «первичных» посадок на лёд – арктический лёд неизвестной толщины...

Потом снова тошнит, но уже от водки, выпитой на райкомовских аппаратных посиделках в бане под тосты о любимой партии и её Генеральном секретаре...

«Горбачёв».

Встречался в Политехническом... Вместе застряли в лифте. С потолка вода ржавая капает, на полу уже целая лужа... Кажется, вот сейчас охранник выхватит свой

пистолет и всех перестреляет. Ну, кроме главного, разумеется.

Постепенно противный кисловатый привкус во рту от пропитанной желудочным соком органики пропадает. Настаёт черёд тяжёлых запахов. Они больно, словно кулаком, ударили в переносицу... Каюта с задраенным иллюминатором. Смерд от запаха дыма крепких кубинских сигарет «Легерос», жжёной кости, на которой сосед-электронавигатор паяльником выжигал чукотские национальные мотивы, и от соляры работающих на износ старых дизелей. Посреди моря Бофорта, нацелившись носом на север, навстречу восьмибалльному ветру, судёнышко, беспомощно надрываясь, стояло на месте. А рядом Аляска, берег Канады... Вход в это море гораздо севернее самого моря. Подойдёт кромка льда, и не выберешься... Грязные занавески у койки Астахова, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, только усугубляли безысходность.

Капитан пытался развернуть судно, но так и не смог. Ему ли рисковать! Два ме-

сяца до пенсии. Во время его «героического» манёвра вся экспедиция вышла на палубу, в ватниках, дублёнках, в меховых шапках, с документацией, чемоданами, чукотскими тапочками из нерпы – подарками родственникам... Будто если перевернёмся, то это обязательно спасёт в воде с температурой минус семь градусов... Должны быть с десятков имён матросов и членов экспедиции. Нет. Не вспоминаются...

«Электронavigator и тоже из университета океанолог Валера».

А пятью годами раньше он, как и все первокурсники химфака, сдавал зачёт по качественному анализу, уже в который раз безрезультатно пытаясь отгадать состав контрольного порошка. Чтобы выжить и не вылететь, каждый пользовался своей методой. Кто-то из порошка смеси извлекал однотипные кристаллики, бросал их в огонь или пробовал на язык. Другой всё растворял в соляной кислоте и потом за чем-то пытался выделить хлор. Зачем? Чтобы отравиться? Сергей пошёл иным

путём. Он внимательно всматривался в движения лаборантки, выбирающей реактивы для задачи. Вот рука потянулась вверх под сорок пять градусов. Это точно на вторую полку! Там соли щелочноземельных. Потом рука метнулась влево в начало другой полки, должно быть, третьей сверху. Там у неё что? Редкоземельные? Нет! А что тогда?.. Поразительно, но ни он и ни кто другой, ища правильный ответ, совсем не обращали внимания на запах тухлых яиц и пролитого соседом раствора аммиака... Взаимодействуя с порошком задачи, он опрокидывал напрочь теоретическую очередность необходимых для анализа химических реакций.

А ведь куда проще было просто взять и упросить милую, молоденькую лаборантку!.. Имени её Сергей не знал.

«Лаборантка».

Резь в глазах от паров раствора аммиака напомнила Астахову другой газ! Им наполняли помещение для проверки средств химзащиты. Вдоволь нанюхавшись хлорпикрина, очумевшие курсанты-

химики четвёртого курса выползали наружу. Оставаясь в плохо подобранном противогазе, они в полном соответствии с инструкцией о действиях после химической атаки принимались мазать друг друга ватками, якобы снимая с оружия и гимнастёрки следы зомана, зарина или, не дай Бог, «VX-газа». Но это ещё не всё! Потом, как дети, зелёными сопочками они закапывали эти грязные мокрые комочки на берегу карельского озера... А после бежали вокруг него в общевоинском защитном комплекте. Да уж! Долго будет Карелия сниться с её голубыми глазами озёр!

«Десять имён студентов-однокурсников».

Вдруг совсем новый запах, пронзительный аромат горчицы, заполнил глотку и вернул Астахова в первое студенческое лето. После с горем пополам законченного первого курса Сергей работал в стройотряде в Петродворце. Туда понаехало со всех стран соцлагеря двести пятьдесят человек! В свободное время учили друг друга языку, матерным словам, играли в

футбол, а если шёл дождь, – то в карты «на дурака». Их конечно, заложили. И Астахова – ну, не иностранцев же – в наказание на целый месяц сослали на кухню мыть посуду. Это, между прочим, только тарелок около семисот! Но он и там находил радость, ухитряясь как-то разукрасить и возвысить этот процесс. Облагораживая малопрестижный труд, Сергей вёл себя так, будто в нём нет никакого наказания вовсе. Причём все вокруг в этом быстро убеждались, что, конечно, не могло не раздражать комиссара отряда.

Рано утром «строители» сидели в столовой в грязной спецодежде, завтракали и готовились идти работать – таскать камни, стекловату, мешки с цементом... Студент-посудомойка открывал окошко для сдачи грязной посуды, и все могли его лицезреть. В сером костюме с искорками, в белой сорочке с бордовым галстуком в полоску он сидел за окошком и покуривал папиросы «Дюшес». При этом элегантно стряхивал пепел в симпатичную пепельницу и охотно откликался на просьбы сту-

дентов, подходивших за чистым стаканом или вилкой. Появляются к обеду или к ужину, сидят грязные, мокрые, изголодавшиеся – а в окошке опять он. В белой сорочке, уже с другим галстуком и опять-таки с папиросой «Дюшес». Вывод один – всем играть в карты! Нужно вспомнить и записать имя комиссара отряда... Где-то он сейчас? Говорят, недавно в Израиль выехал на ПМЖ...

«Комиссар».

Конечно, когда студенты уходили из столовой, Сергей переодевался и, можно сказать, почти целиком погружался в горячую воду с горчицей и грязными тарелками от двухсот пятидесяти едоков. Но этого уже никто не видел... Интересно, что фамилии четырёх чехословацких студентов такие же, как у хоккеистов их сборной команды.

«Постишил, Горешовский, Сухи, Недоманский».

А перед глазами уже длинная колонна танков с большими белыми крестами наверху, на броне офицеры и солдаты...

И форма у них такая же, как в конце последней войны. Ничуть не изменилась. Козырьки на фуражках почти прямоугольные. Сейчас в кино такие уже не показывают... Заревели моторы, сзади тяжёлых машин вырвались выхлопные газы и снова этот запах соляры. 1968-й. Август...

Не ускользнул из памяти и совсем лёгкий запахок! Такой бывает от чуть-чуть притухшей рыбы. И Астахов уже не какой-то там посудомойка, а аспирант и целый командир студенческого отряда! Пытаясь выторговать хорошее закрытие нарядов, он с «удовольствием» ест комяцкое национальное блюдо на дне рождения жены начальника строительного треста. Это по сегодняшним меркам вроде как «откат» администрации в виде демонстрации родственной души.

«А вот и имя самого начальника!»

И всё это только ради одной цифры – приблизительной суммы выполненных за месяц строительных работ. «Двадцать пять?» – будто играя в угадайку, тихо произнёс Сергей, выйдя на балкон покурить

с начальником. Реакция была ожидаемой: «Ну что ты, Сергей! Не больше двадцати!»

Пьяный до невозможности командир, вернувшись в расположение, на последнем издыхании ввалился в помещение штаба. Там, изнывая от нетерпения, его давно ждал мастер отряда. Не зная конечной цифры, он искусно вертел туда-сюда объёмы подрядов и выискивал в СНиПе экзотические виды работ вроде «размотки ста килограммов проволоки». «Двадцать один! Оч...», – смог выдать из себя Астахов и вырубился. Прямо как Бондарчук в фильме «Судьба человека»!

Позже оказалось, что бухгалтер треста, выдавая деньги, отвлеклась на свои ногти и ошиблась. Спасибо ей, конечно! Только потом две ночи, добираясь до Ленинграда, Сергей безуспешно пытался поделить деньги отряда. Лишние ломали все расчёты... Девочка-бухгалтер с крашеными ногтями, как она, должно быть, радовалась потом, когда от Астахова в их трест вернулись эти деньжищи!

«Девушка с крашеными ногтями».

Раз уж поплыли флюиды о стройотрядах, к горлу Сергея сразу подкатывает приторный запах свежей крови. Он знает, что это неправильно. Но уж очень остро и очень глубоко ему в память врезалась... работающая «Дружба» в руках нескладного студента. Вот он поднялся по лестнице и передал её другому. Тот, держа на весу бензопилу, пытается подпилить верхний край торчащего из фундамента слишком толстого бруса. Пила отскакивает и чуть касается головы того, кто только что поднял этот инструмент наверх...

«Нескладный».

Пытаясь остановить пилу, вместо того, чтобы нажать красную кнопку, тот, что на лестнице, испугавшись, прижимает пилу к груди и обхватывает рукой работающее полотно...

«Матросов?..»

А рядом, в десяти километрах, другой отряд. Там ремонтируют железнодорожные пути. Поезд, гружённый плотно уложенными металлическими листами, про-

ходит по железке, с шумом раскачиваясь на кривых стыках. Все, как и полагается, отошли подальше. Один замешкался... Вагон качнуло, незакреплённый лист металла на мгновение отошёл в сторону и, что удивительно, тут же вернулся на место... Только тот, что замешкался, теперь валяется под насыпью, а немного в стороне – его голова. Вокруг много крови. Сергей запомнил тогда, что она совсем не красная, а скорее чёрная. В этой блестящей на солнце луже отражались облака. На небе они белые, а здесь – наоборот... Потом кровь помутнела, запеклась, и облака исчезли.

«Парень, который замешкался...»

Астахов замер и ужаснулся, даже авто-ручка выпала из его руки. Не костёр, не песни, не радость совместной пахоты... Почему-то именно кровь. И вообще, кто это всё выбирает? Почему на память приходит только плохое, и красный цвет уже пестрит в глазах, занимая почти всю площадь листа обоев? Потому и вспоминается, что проходит через зрение, слух и обо-

няние. Конкретные красочные изображения, сильные звуки, жуткие запахи... Есть же и совсем другое – то, что, будто музыка, входит в сердце, в душу напрямую, минуя органы чувств, и постепенно лепит из тебя личность. Потом это навсегда записывается на подкорке, как опыт, как накопленные переживания и знания – как мудрость. Вот, если порыться в подсознании, что там накопилось? У молодого учёного – желание искать, научная наглость и оптимизм, романтика и даже отвага работы полярного исследователя, в строительных отрядах – первое чувство ответственности за других людей, в партийном аппарате – обострённое осознание долга... Да, да! Как у десантников: «Никто, кроме нас!» Верно, чуть что – все звонили именно туда – дежурному райкома. А ещё – дисциплина и, как сейчас говорят, экзотический менеджмент – управление без какой бы то ни было субординации.

Как ни пытался Астахов найти что-нибудь приятное в том, о чём только что подумал: про сопереживание, чувство

долга и тому подобное... Нет, видимо, маховик завёлся, и его уже было не остановить. Жуткое видение с застывающей кровью тоже куда-то испарилось...

Будто привычная очередь за дефицитом, опять тихо подбирается знакомый до боли запах. Он уже совсем рядом! И вот в лицо с размаху бьёт невыветриваемый смрад от помоев и экскрементов. Это вонища из выгребной ямы в его убежище. В 84-м он целых два месяца, не вылезая на воздух, составлял и склеивал обрывки инструкций для «Кандагарского обкома». Политический советник – бывший секретарь райкома из Москвы – тот хоть каждый день выезжал на бэтээре из клоаки в начальствующие хоромы с кондиционерами. А Сергей, его помощник, сидел безвылазно...

«Пётр Васильевич – советник из Москвы».

3.

Запах канцелярского клея на листках бумаги быстро перенёс Астахова из Кан-

дагара в Ленинград, в коридоры с красными ковровыми дорожками, в кабинеты райкома партии. Вот уж где всё шло в ход! Ножницы, клей, бумага, основные цифры района, повестки дня заседаний крупных парткомов... Всё это нужно было заварить и логически выстроить друг за другом. Получалась «конфетка». Правда, порою подворачивались отглагольные существительные и отымённые предлоги. Но ничего, в итоге всё гладко срасталось...

Как у предков молитвы, в памяти Сергея зазвучали тексты десятков справок и записок. «Выполняя постановление ЦК и Совмина»... Или пленума обкома, или бюро горкома о том-то и том-то... «Райком и партийные комитеты предприятий и организаций района провели определённую работу». Не «большую» – оценивать не тебе! «На эту тему прошёл пленум». Это хорошо! «Вопрос рассматривался на бюро райкома»... Чуть хуже, но тоже неплохо и, главное, доказуемо. Если уж совсем ничего не делали, возникала фраза: «Он постоянно был в центре вни-

мания партхозактива»... Дальше совсем просто: «Учёные и инженеры районных НИИ и КБ добились принципиально новых результатов на прорывных направлениях науки и техники»... Они сказались на темпах роста производства... Но совсем других предприятий – не нашего района...

Теперь результат: «Всё это во многом способствовало мобилизации коммунистов района, первичных парторганизаций на усиление одного и ослабление отрицательного влияния совсем другого, что в свою очередь позволило обеспечить высокие темпы роста... чего-то умного и хорошего, кардинальное увеличение... чего-то ещё. Ну и, конечно, – качества выпускаемой продукции»...

– Не выделяться! – кричал Астахов на непонятливых новеньких инструкторов. – Никогда не высовываться. Если прокол – немедленно стать прозрачным и, как писал великий Достоевский, – «стушеваться»! Иначе это «наглость». Ну, кто ты есть такой? – спрашивал он, подражая Чапаеву. – Ведь не руководитель комму-

нистов, а всего лишь их инструктор. У тебя нет никакой власти. Ты ничего не можешь приказать или решить. Только советовать и контролировать. Советовать и контролировать... Однако, что интересно? – тут Сергей останавливал поток словоблудия и, хитро улыбаясь, тыкал указательным пальцем вверх. – В чём таинственность и, должно быть, радость нашего существования? А в том, что эта самая власть мгновенно возникает из ничего, как только твоя бумажка будет подписана тем, кто её имеет... В этом момент истины! «Сейчас бы на этом можно было сделать кучу денег! – вдруг сообразил Астахов. – Да, так и делают! Небось, пишут, как раньше: „Полагал бы возможным (или целесообразным, – зависит от степени риска твоего предложения) назначить на такую-то должность такого-то. Прошу рассмотреть“».

Сергей вспомнил всех, кого назначили с его подачи.

«Имена пяти человек...»

Правда, к пониманию момента истины приходили не одинаково – кто быстрее,

кто медленнее. А кто-то с нулевой скоростью... Заторможенность лихо компенсировалась. Медлительный вылетал, будто пробка от шампанского. Только ответственные товарищи из орготдела пробку обычно придерживали рукой, чтобы слишком громкий вылет лишний раз не идентифицировал их ошибку при подборе кадров. Тем не менее, неприятный и приглушенный звук надолго оставался в памяти всех, кто был рядом.

В середине восьмидесятых на самом верху мечтали о том, что вот де, придут новые, культурные и всё поменяют. Прекратится «застой», и начнётся «ускорение». Именно в это интересное время руководству захотелось набрать побольше молодых и ярких учёных. Прямо оттуда, из науки. Оторвать их от электронов, молекул, клеток, аппаратов и агрегатов, политэкономии социализма и научного коммунизма... Отнять и сразу имплантировать в сообщество под названием «аппарат». Пусть, мол, они своим незаурядным умом и самобытным мировосприятием всё пе-

ревернут, разукрасят и потащат вперёд с возрастающим день ото дня ускорением. Это без райкомовских-то прививок и иммунитета... Ну как не стыдно!

Одному такому на ушко шепнули: «Ты чего телишься? Делегаты съезда уже уехали в Москву, ещё осталось много чего... Дублёрки, сапоги женские, портфели... Пиши заявку срочно!» Оказался доверчивым. Впрочем, как и вся новая общность – советский народ. И совестливым – не стал просить сапоги для жены. Только себе – дублёрку и бэк. А может, просто размер ноги не помнил? Бумагу сочинил, подписал, заводелом уговорили завизировать не своей подписью... Всё равно чудак её не знает. И вот он, дурилка картонная, уже отнёс свой опус в хозяйственный отдел, к секретарше. Ту тоже уговорили. Она бумагу взяла и многозначительно положила в папку «для доклада». Дальше неинтересно... Обычная школа аппаратной работы.

«Инструктор Рыбкин – лауреат какой-то научной премии...»

Кто, когда и кем станет? – Известно почти что сразу. Но только руководству. Всё зависит от набора твоих личностных качеств, биографии и от отсутствия «проколов». Вот, начальник отдела, у которого Астахов был заместителем, тот – из рабочих. Такой точно мог бы дослужиться до члена Политбюро. Но сорочки! Сорочки не те носит. Всё норовит не белые, а какие-то наглые, пастельных тонов, с голубым или розовым отливом.

«Начальник промышленного отдела Ки-слов».

Забавно было бы взглянуть на себя, тогдашнего, со стороны! Астахов даже встал на ноги и вытянулся. Он всматривался куда-то вдаль, то ли в поисках того времени, то ли себя, как начальство, при-ветствовал...

Он дежурный райкома... Ночью ему позволено входить в кабинет первого секретаря. Там, правда, ничего интересного. Полированный стол, «Ленин» на полках... Но все любили туда заходить. Фирменный туалет! Вот что там было! Сергей не

преминул им воспользоваться. Через кабинет возвращается на место секретарши, смотрит: маленький листочек бумаги своим белым цветом нарушает ровную гладь блеска огромного стола...

Астахов не был бы аппаратчиком, если бы не прочёл, что там было нацарапано. Не поворачивая лист, вообще не дотрагиваясь до него, читая с обратной стороны и под углом, он узрел Глас Судьбы. Там были фамилии хорошо известных ему людей, обведённые в квадратики, ромбики и кружочки. Рядом стрелочки с буковками – кто, когда и кем будет... На пять лет вперёд... Ощущение – будто тебе назвали дату твоей смерти.

«Да! – Астахов схватился за голову... – Чуть не забыл!» Как раз в ту ночь прорвало трубу с радиусом в полметра. Вода размыла кучу гектаров недавно засеянной совхозной земли и приближалась к железнодорожному полотну. Остановили движение электричек, на платформах и вокруг вокзала скопилось много людей. В ста сорока домах района вырубился свет... Те-

лефоны дежурного райкома взорвались цепной реакцией звонков... «Вертикаль власти» – в действии!

Совсем другое дело – текучка! Здесь всё чинно, плавно, без сюрпризов. Вот он проводит ежедневные планёрки... Раздаёт указания и одновременно ухитряется подписывать или визировать кучу справок «наверх». Иногда, вероятно, в зависимости от того, чья первая виза, его взгляд останавливается на мгновение, дабы «сфотографировать» справку на предмет выявления какой-нибудь глупости или неправильных цифр. Ошибки сами чудесным образом, будто тайнопись, проявлялись перед его глазами на общем тёмном фоне зачастую ничего не значащего текста. Никто не знал лучше него основных показателей района, какие из них следует показывать и в каких случаях. Ещё бы! Год в должности. А здесь, как на войне, – год за три!

Наблюдая за собой из своего волшебного сарая, Сергей внутренне радовался тому, что тогда, в восьмидесятые, он с осо-

бым благоговением купался в суете текущих дел, контролируя в ней не цель, а только то, что реально несёт ответственность. Будь то документ, слово или факт простого присутствия. «Безмолвствовать, бодрствуя»? То есть просто сидеть в президиуме? Тоже опасно! Все с этим соглашались. Хотя бы потому, что в каждом из этих двух длинных слов по пять согласных подряд... Он любил повторять свою любимую притказку: «Если задачу можно решить – не стоит беспокоиться. Если задачу решить нельзя – беспокоиться бесполезно».

Такая философия позволяла бывшему любителю электронов на себе демонстрировать «принцип неопределённости Гейзенберга», быть и здесь, и там одновременно, делать несколько дел сразу и получать от этого особенное удовольствие. Чем больше этих дел, тем ему легче было ими жонглировать. Главное: постоянно поддерживать эту круговерть и вовлекать в неё других. В этом была вся радость, а, может быть, и смысл постоянного пребывания Астахова в «системе».

Настоящий процессник! Своеобразный, ответственный искатель счастья. С одной стороны, он занимается своей работой просто потому, что она должна быть сделана. Даже когда это никому не нужно... А с другой, ему вообще не важно, что делать и для чего. Главное – доставляет ли процесс жизни ему радость, наполненность и ощущение энергии.

С годами всё чаще и чаще Сергею помогали опыт и мудрость, а вовсе не его конкретные знания. Уже забыто, о чём была дипломная работа. Время, проведённое в университете, ценилось им лишь за то, что там он научился быстро, в течение экзаменационной сессии, постигать основы абсолютно новых для себя дисциплин. Только основы. Ешё в школе результат для него почти ничего не значил. Пятёрки? Ерунда! Вот когда ничего не знаешь и каждый день идёшь в школу, как на подвиг... Это да! Напишет, бывало, перечень завтрашних уроков: пение, труд, физкультура, русский, математика, а потом с удовольствием вычёркивает, как уже подго-

товленные – пение, физкультуру и труд... Пройдёт час, другой, за какой-нибудь книжкой Бальзака или Бодлера, снова напишет и опять вычеркнет, как подготовленные, целых три предмета... Радость неуёмная!

Хочешь – не хочешь, но всё, чем Сергею приходилось заниматься в партийном аппарате, постепенно становилось похожим на «пение, физкультуру и труд». Будь то проблемы экономики или капитального строительства, научно-технического прогресса, сельского хозяйства или медицины.

Через три года работы Астахов стал ясно отдавать себе отчёт: всё, что его окружает, – почти враждебная среда. Никто никогда не придёт и не скажет: «На, Серёга, возьми текстовку для доклада или на, „жуй“ новые цифры по предприятиям»... Никто не ринется, сломя голову, вместе с тобой исполнять поручение руководства, даже если его фамилия стоит в перечне «ответственных». Слишком быстро любой живой организм постигал

простую и суровую истину: из всего длинного списка спрос только с того, чья фамилия стоит первой, остальные – так, для удобства работы и распыления ответственности.

Поэтому первое, что прочно закреплялось в психике Астахова – обострённое чувство опасности и способность её чувствовать по малейшим нюансам поведения окружающих, по всему тому, что может двигаться и изменяться. Ох, как это поможет ему в будущем, «на гражданке»!

Находясь в партийном аппарате, в самом «движителе» вертикали власти, сложным было сохранить себя как личность. Позднее Сергей Астахов это постиг на своей шкуре. Здесь правил налаженный годами маховик тотальной предопределённости. Инициатива, ответственность и самостоятельность давно перемололись и стёрлись в пыль его тупыми зубьями. Когда в отпуск? Когда болеть? Когда получать квартиру, когда что-нибудь предлагать, в конце концов? Не дай Бог, если он сам заикнётся об этом. Главное — точно в

срок готовить записки. Особенно с красными штампами. Один прокол – и «на гвозди!» То есть обратно в свой НИИ мэ-нээсом. Можно проколоться и на стороне. Но такое даже представить немислимо! Ведь чтобы аппаратчику получать зарплату, коммунисты сдают свои партвзносы... А ты их на алименты?! Конечно, в каком-то смысле ты отвечаешь и за курируемые организации! Но как? Вот не дай Бог, если пять, нет, пожалуй, десять из «твоих» тридцати директоров или партийных секретарей вдруг разом напьются, начнут дебоширить, и при этом что-то случится с портретом Ленина... Ответишь по полной! Особенно если тебя там даже не было.

Попробуй, представь себе, что произойдёт, если вдруг окунуться из аппарата в реальную жизнь! Кто там выживет? Только тот, кто хоть изредка делал или чувствовал чуть больше, чем предусмотрено инструкциями «системы». Одни умудрялись находить пусть и суррогатное, но удовольствие в самой «игре», на-

пример, изящно и ненавязчиво подавать в тексте каждого пятиминутного выступления на пленуме обязательные длинные перечисления регалий очередного генсека. Да ещё два раза! В начале и в конце.

«Анатолий Соколов из Горкома».

Другие наслаждались тем, что за один день «закрывали» с десятков постановлений вышестоящих партийных органов, правильных по форме, но по сути своей являвшихся всего лишь пропагандистской косметикой, прикрывавшей «родимые пятна» развитого социализма. Третьи получали спасительную «вакцину» в «спектаклях» алкогольных мероприятий.

Именно таким удавалось миновать известный науке процесс «ампутации личности».

Когда-то, ещё в начале двадцатых годов прошлого века, в советской жесткой «вертикали власти» образовалась прочная сеть паутины, не позволяющая этой власти обвалиться и рухнуть. Это очень необычный, разный по предназначению и одновременно универсальный материал для поддер-

жания руководящей роли партии. Именно тогда, после пустячной замены двух строчек в Уставе, вся большевистская партия в России перевернулась с ног на голову. Власть для подготовки и определения сути решения перешла от председателя партии, от избранных её членов к секретарям и аппарату. Теперь в основные документы партии могли незаметно закладываться неопределённости – воздух и живительная влага для аппарата. Потом в этой благодатной среде зарождались интриги и, в конце концов, проблемы – обязательные спутницы любой беды. Именно в этом мутном омуте захлёбывались идеальные взаимоотношения, тонули благие намерения, размывалась изначально привлекательная идеология. Когда в одном месте соединяются право на подготовку решения и контроль, то обязательно жди сначала мелких нарушений, затем – коррупции, и, в конце концов, кризис. И неважно, предприятие это или целое государство.

Однажды произошло событие, оборвавшее привычный для Астахова поток

положительных эмоций. К нему пришли молодые учёные из медицинского НИИ с жалобой на директора. Тот не позволял сотрудникам лаборатории самим предложить для избрания кандидатуру их нового начальника. Сергей знал, что недавно прошло заседание бюро обкома. В постановлении чёрным по белому сказано: «Разрешить трудовым коллективам НИИ, отделов и лабораторий избирать соответствующих начальников...» Директора НИИ с этим решением ознакомили, но он почему-то его не выполнял. Мало того, в отношении сотрудников той самой лаборатории начал применять, как тогда говорили, «элементы третирования». Две комиссии отработали: «Директор не прав! Руководитель института – коммунист не выполнил постановление бюро обкома!» И что же? Всех, кто приходил к Астахову жаловаться, погнали из НИИ...

А всё потому, что в клинике института тогда лечилась мать второго секретаря обкома...

«Второй секретарь».

Сергей Астахов ушёл из «системы». Сам ушёл. Такой уход – большая редкость вообще и для него в особенности! Всю ночь раздумывал. Через эту самую критику он очутился в аппарате партии, через неё же – и покинул его. Вернее, из-за её последствий. Семь лет отработал в аппарате – так ничего и не изменилось! Только начнёшь критиковать – «Это хорошо, это нужно!» Но только одно «но» – сразу меняй работу... Спустя год из обкома уже никого не отпускали, ещё через два – убрали статью Конституции «о руководящей и направляющей роли Партии», и все оказались на улице.

Опять этот закон диалектики «Отрицание отрицания»! Только теперь на фоне единства и борьбы противоположностей!

4.

Медленно ползли девяностые. Находясь на перепутье, Сергей Астахов с головой погрузился в чужие проблемы. Это и было то самое кризисное доверительное

консультирование, которым он потом занимался целых пятнадцать лет. Только тогда для него стала понятна счастливая случайность первого базового образования, связанного с наукой об изменениях, происходящих в результате взаимодействий... Как и в науке, в стройотрядах, в Арктике или в партийном аппарате, Астахову опять всё нравилось...

Соединились в одно целое темперамент и особенности характера, навыки и связи, долгий период работы вне субординационных систем и яркие всплески активности в строительных отрядах. Однако время от времени, от случая к случаю, приходилось возвращаться к своему первому образованию. Химия, словно «чёрная магия», преследовала его. То доставалось разбираться с кризисом управления в химическом институте, то спасать разработку ионисторов – конденсаторов с аномально высокой ёмкостью, то вплотную заниматься биохимией и организацией финансирования синтеза пептидов для фармацевтики.

«Три фамилии».

Целый год ушёл на создание первого в стране акционерного общества – не просто совместной с иностранным капиталом какой-нибудь венчурной компании, а крупной корпорации в области разработки и производства приборов для физико-химических исследований.

«Академик Максимов».

И всякий раз «носители проблем» – так Астахов называл тех, кто привёл свой бизнес в кризис, – говорили одно и то же: «У нас своя специфика, вы же её не знаете!» «Бог с ней, с вашей спецификой! – отвечал Сергей, – она только всё усугубляет. Вы сейчас рефлекторно включаете именно те навыки, которые привели вас к успеху. Вы дружили с будущими партнёрами и думали, что так будет всегда. Вы верили в успех и друг другу изначально, ещё до того, как ринулись в общее дело, не созывали собраний, не создавали Совет директоров, не оформляли свои решения на бумаге: „Мы же кореша с детства!“ Все, когда трудно, возвращаются к мину-

там успеха, и чем успешнее они были в своём бизнесе, тем хуже для них, когда наступает кризис».

Астахова выслушивали, но не верили. Такие личности верят только самим себе! В этом была основная проблема для любого консультанта. Сергей понимал ситуацию почти сходу. Ему достаточно было взглянуть на документы, поговорить с владельцами, с менеджерами.... Конечно, он мог бы даже написать подробенькую очередность действий. Ан, нет! Ни одного пункта этой, как теперь говорят, «дорожной карты» никто и никогда не выполнит. А почему? Во-первых – слишком прочно засел в головах начинающих отечественных бизнесменов расхожий анекдот про кризисных консультантов. Якобы на вопрос «который час?» эти деятели попросят у вас часы, ответят, и часы оставят у себя. Во-вторых – из-за лени и из-за того, что это исцеление не они придумали, а какой-то кризисный консультант. То есть нужно нанять других спецов и всю его писанину проверять. Им потребуется

время и для того, чтобы узнать итоги других проектов Астахова, и для того, чтобы уяснить для себя, что он, оказывается, вовсе не намеревается отнять у них их детище – гибнущий бизнес. А главное: сами они никогда не смогут выполнить ни одного пункта из представленных Астаховым. Потому что не сумеют и шага ступить без того, чтобы не взорвать ситуацию ещё сильнее. Это же не привычная им организация работы предприятия, продажа продукции и даже не поиск инвесторов!

В конце, когда совместными усилиями ситуация наконец-то выправится, обязательно выявляются ошибки начинающего консультанта. Астахов умудрялся так преподнести пути выхода из кризиса, что носители проблем уверовали в своё авторство. Это было необходимо, иначе, при всём ужасе ситуации, бизнесмены не сдвинулись бы с места... Но зато потом до обидного просто медаль поворачивалась своей другой стороной. Обычно замечают появление проблем, а об их исчезно-

вении как-то сразу забывают. Денег нет! Вроде как помог, и на том «спасибо»!

Только через несколько лет Сергей поймёт: «Нельзя кидаться на помощь, если не просили!» Даже если просили – кто просил? Владелец бизнеса или менеджер? Менеджер просто уйдёт, если будет трудно. Владелец бросит неудачный бизнес, если он у него не единственный. И главное! Кто носитель проблемы? Владельцев много! Рассуждая вместе с собственниками кризисного бизнеса, Астахов часто напоминал им сказку «Золушка».

«Представьте себе на минуточку, – издалека начинал Сергей, – что есть только Добро и Зло. То есть Золушка и та вредина, которая всегда и во всем стремится максимально использовать окружающих её людей в своих корыстных целях... Разве они когда-нибудь оказались бы вместе? Да ни за что! Эти две личности в принципе не способны взаимодействовать. – Астахов постепенно подводил «клиентов» к пониманию источника их бед. –

Здесь нужен такой медиатор, такой необычный, я бы даже сказал, непонятный человек, который любит свою дочь и одновременно „сподобился“ полюбить её будущую мачеху. Вот он – первичный источник проблем! Это аморфная, порою даже индифферентная личность – королевский лесничий».

Бизнесменам нравилось!

И, тем не менее, даже если все понимают и заранее обо всём договорились, невозможно учесть нюансы и их «стоимость». Риск неадекватной оплаты труда консультанта всегда оставался. Правда, он иногда сглаживался. Пройдёт время, и кому-то из тех, кому Астахов помогал, понадобится ещё что-то, а другому, из таких же, захочется от чего-то освободиться. Вот тут они и вспомнят о давнишнем «спасителе», и в один миг Астахов получит свои посреднические десять процентов от суммы сделки купли-продажи.

Как-то раз бывшие «носители проблем» предложили ему скупить у работников чужой фабрики акции предприя-

тия, чтобы набрать 51 процент и назначить своего директора. Обычное дело. Астахов настаивал на 75 процентах плюс одна акция: чтобы без проблем. Пожадничали – дали денег на 51 процент! Директор, надо сказать, быстро всё сообразил и отдал свои пятнадцать процентов местным так называемым „уважаемым авторитетным предпринимателям“. Дальше всё пошло по накатанной колее. Авторитеты «забили стрелку»...

Сидят за огромным столом. Все такие степенные, уверенные, говорят сами себе, нагнетают атмосферу: «Не уважают, понимаешь! Представляете, мы тоже скупаем акции этой фабрики. А они... Нужно было, по крайней мере, уведомить нас. Нехорошо как-то получается... Мы все уважаемые люди». А Астахов здесь же, скромненько в сторонке приютился, почти невидимый.

Вдруг, будто выстрел в тишине: «А кто это всё наворотил?» Лица напряглись и повернулись в сторону сидящего у стеночки. Кто-то тихо вымолвил приговор:

«Это Астахов!» Сергей кишками почувствовал, что сейчас его поставят на деньги. Прощай, семья, квартира, машина... «За то, что мы зря скупали из-за тебя теперь никому не нужные пятнадцать процентов, давай сюда деньги за них по рыночной цене. И вообще, смотри, умник, сколько нас, и все мы, сидючи здесь, опять-таки, из-за тебя тратим время! Помножь, сложи...»

Внутренний голос так и толкал Сергея вскочить и выкрикнуть: «Я их предупреждал! Нужно было семьдесят пять процентов купить. Я предупреждал...»

Слава Богу, промолчал.

«Астахов? А я знаю его... Это хороший пацан», – мужчина, который произнёс эти простые слова, сидел к Сергею спиной и даже не повернулся. Чудо какое-то! Все разом оживились, зашевелились, тема сменилась в одно мгновение, заговорили о бабах, об Испании, о своих настоящих проблемах... Даже не вспомнили, что рядом чужой и он всё слышит. «А чего? Ведь почти свой!»

Спаситель – вор в законе, старший брат одного из владельцев проблемного бизнеса, где несколько лет назад трудился Сергей. Он даже не знал, что «младший» однажды приехал в Испанию к «старшему» и, рассказывая о своих делах, обмолвился мельком о помощи Сергея Астахова.

«Человек, сидевший на „стрелке“ спиной ко мне».

Жизнь, хочешь не хочешь, выключает память. Забылись химия и первая любовь к науке, Арктика с её романтикой, партия вместе с аппаратным псевдобротством и поручениями в Чили и в Афганистане... Ушёл в прошлое первый суррогатный бизнес с гулко лопающимися на морозе бутылками венгерского шампанского, никому не нужными на следующий день после встречи Нового года. Стали стираться в памяти и кризисные проекты, где Сергей постоянно эксплуатировал эмпатию и гробил сердце, инвестируя время и частички своей души, выступая медиатором в этом серпентарии среди участников

очередного проекта. Но надолго в его память врезались слова одного миллиардера с Земли Обетованной...

У академика Максимова все замы были расписаны по странам. Астахову достались Израиль и Швейцария. Когда он начинал, с Израилем ещё и дипотношений-то не было... То есть он первый из России туда устремился дело делать. Это конкурентное преимущество! На него реагировали, как на диковинку! Даже местный магнат, узнав о первом образовании Астахова, снизошёл и принялся учить его «химии жизни»: как вести бизнес-разведку и как охранять интеллектуальную собственность. Доказывал, что сохранение этой собственности в десятки раз дороже, чем затраты на её создание.

«Миллиардер по фамилии Дан».

Этот Дан долго втолковывал ему свои правила. «Все деньги разные! – говорил он, будто отщёлкивал костяшки на счётах. – Эти для семьи, другие на текучку, третьи – на развитие бизнеса, четвёртые – резерв. Последние не работают. Их нужно вло-

жить в ликвидную недвижимость. – Мудрый еврей, наслаждаясь тем, что учит бывшего соотечественника, продолжал убеждать Сергея в правильности своих сентенций. – Все средства на разных счетах и поступают от разных направлений бизнеса. Главное – сохранить привычный образ жизни! Чуть что – сразу чувствуешь его губительные изменения: что-то не так в текущих расходах или в развитии основного дела. Значит, нужно увеличить доходную составляющую именно с этого конкретного направления...»

Израильский миллиардер заметил, что, слушая его, «ученик» с удовольствием потягивает местный ликёр «Сабра». Тогда владелец отелей Тель-Авива и Иерусалима, мило улыбаясь, прервал лекцию про деньги и переключился на тонкости технологии изготовления ликёра... Заговорил про пары шоколада, сквозь который пропускают кислый сок диких апельсинов, про температурный режим всего процесса... В заключение Дан вдруг тихо произнёс: «Вообще-то сабра – это

кактус. Он, как душа еврея, сверху колючий, а сними верхний слой – внутри что-то нежное и сладкое...»

Всё это было поучительно и мило. Но от встречи с миллиардером Астахову больше всего запомнился один неприметный жест богача. Сидели в его офисе. Принесли два стакана с жёлтым напитком – ему и Сергею, рядом положили маленький листочек бумаги. Хозяин вынул свою обыкновенную шариковую ручку за один шекель и расписался. Официантка забрала листок и удалилась. Это был счёт за два стакана апельсинового сока. Счёт самому себе!

Этой осенью что-то изменилось в Астахове, что-то треснуло и надломилось. Он, усталый и больной, сидел за рулем своей машины, ехал в деревню. Слепя, играли запоздалые лучи осеннего солнца. Под зеленоватым небом плыли золотые облака... Чтобы не думать, он всегда включал радио и слушал музыку. Если же нужно было о чём-то поразмышлять, радио выключал. Сегодня ему ничего не нужно:

ни музыки, ни тишины. Как назло, время от времени, должно быть от тряски по грунтовке, одна и та же песня сама включалась. Довольно глупые слова, но они будто специально прорывались из эфира и били Сергея прямо по сердцу: «Привет! Это снова я... Я много стран повидал, бегать по свету устал...» Устал... Почему устал? Может, я не так перевёл?

«Джо Дассен».

В этот раз всё произошло не само собой, как это часто бывало, а вынужденно, под нажимом обстоятельств. Жизнь заставила Астахова остановить житейскую суету, бросить чужие проблемы и окунуться в самого себя, поразмышлять о своей, теперь уже прочно привязанной к нему «невыносимой лёгкости бытия».

Каждый обладает естественной склонностью к той деятельности, в которой он добивается успеха. Тогда он чувствует себя на своём месте. К сожалению, большинство людей осваивают профессии, к которым их подвёл случай или «поводырь» – в хорошем смысле этого слова.

Но к этим профессиям у них нет реальной склонности, они делают её всего лишь источником своих доходов. Это не мало, надо сказать, однако, опять-таки есть одно «но». В итоге они забывают или – ещё хуже – даже не раскрывают свои естественные способности. Навыки формируются. Это – да. Но ведь, если не отличать таланты от навыков, то можно всю свою жизнь прожить, так и не раскрыв себя.

«Неужели это про меня? – подумал Сергей. – Ведь, находясь в бизнесе, который сам же придумал, я никогда не мог понять этих, способных к предпринимательству. Для них, чем больше проблем, тем лучше. Для них деньги – самостоятельная ценность. Они так устроены, что свои деньги никогда не упустят и никому не дадут. Физиологически не могут. И не важно, свои они на самом деле или чужие. На идентификацию различий понапрасну свою энергетику не расходуют. Рефлекторно – не давать! Не давать, и всё тут! А то, как говорится, руку собьёшь... Но я же таких сам искал, – продолжал рассуж-

дать Астахов. – Это ведь партнёры! Они могут то, что очень нужно для дела, и этого не могу я!»

«Ещё три фамилии».

По сравнению с партнёрами психика Сергея Астахова имела совсем другие особенности. Если есть три-четыре проблемы, он уже не мог стройно мыслить. Если таких проблем пять – исчезала логика в рассуждениях. Не дай Бог, шестая! Даже если это авторучка, лежащая на столе, вдруг покатилась и сейчас вот-вот упадёт. Весь его организм, до этого момента функционирующий как единое целое, шёл в разнос.

Где же эта «шестая» проблема?

Последние годы как-то незаметно малый и средний бизнес всё сильнее и сильнее становился виртуальным. Убрать физические активы! Помещения, мебель, компьютеры – в аренде. Владельцы – в офшор! Директор – номинальный! Сотрудниками пусть занимается местный рекрутмент. Лучше вообще брать их в лизинг, как недвижимость. Это удобно, без

профсоюзных проблем и социальной составляющей в расходах. Но одновременно очень быстро растут проблемы управления и доверия между участниками бизнеса. На первый план стала выходить «экономика взаимоотношений». Сущность работы кризисного консультанта всё больше стала походить на обычную человеческую дружбу... Опасное смешение! В английском словаре Сергей нашёл определение слова «канселор» – это такой особенный тип советника – «человек, который выслушивает проблемы другого, они вместе думают, как их разрешить, и вместе реализуют задуманное»... Полистал толстую книгу и увидел, что её рациональные западные авторы точно также определили другое слово – «друг». Правда, отличие всё-таки было, но только в двух словах. В первом случае добавлялось: «За деньги».

Как и чем управлять в таких условиях? В какой момент и как появляются эти самые «деньги», отличающие бизнес от дружбы? Получалось, новые проекты тре-

бовали отдачи Астахова в квадрате или даже в кубе. Нужно было, как всегда, управлять отношениями между тщательно подобранными участниками, конечно, включая и «носителей проблем». Но кроме этого приходилось учитывать и тот факт, что управленческий консалтинг, которым занимался Сергей Астахов, тоже виртуальный и, пожалуй, один из самых мистических видов бизнеса. Здесь не было однозначного ответа даже на такие простые вопросы: «Кто заказчик, инвестор и руководитель проекта?», «За что и когда платят деньги клиенты?» и «Клиенты ли это в привычном понимании?» Уж конечно, вовсе излишне говорить о создании специального юридического лица – «сосуда» для оформления бизнеса. Был во всём этом один приличный плюс – такой бизнес практически невозможно отнять. Получишь дырку от бублика!

Зато он может легко разрушиться сам.

За долгие годы Сергей понял, что потеря контроля над делом чаще всего слу-

чается там, где жёсткое давление извне заставляет партнёров начинать очень сложный, практически нереализуемый проект, когда, как говорится, «поезд уже ушёл»... Ещё – если запускать слишком большое число проектов при ограниченных людских и финансовых ресурсах. Тогда возникают конфликты с партнёрами, неуверенность, упадок душевных сил и, в конечном счёте, – неуспех. Неуспех в любых его проявлениях: отсутствие денег, затянувшиеся противоречия и антагонизм в отношениях между партнёрами, криминал...

Это же не миновало и бизнес самого Астахова.

У Сергея было два места для раздумий. Одно для творчества – это маленькая квартирка на краю города, оставшаяся от родителей. Там хорошо сочинять. Что угодно! И диссертацию, и первые научные статьи, позже доклады на пленумах и всякие справки по развитию техпрогресса в районе... В последнее время всё чаще приходилось объяснять хронологию кризис-

ных ситуаций в чужом бизнесе, рисовать схемы и очерёдность действий, постоянно меняющуюся архитектуру взаимоотношений участников кризисного проекта.

Другое место было в деревне, в глуши, за сто километров от города. Там в детстве он проводил каждое лето. В деревне Сергей никогда и ничего не писал и даже не читал. Зато именно здесь всё располагало к лени и её вечным спутницам – раздумьям.

Сегодня, окончательно измяв свой новый костюм, уже прилично подвыпивший Астахов отрешённо смотрел на длинное полотно перевёрнутых обоев, расписанное им двухцветными узорами, затем перевёл взгляд в дальний угол деревенского сарая, где скопилась куча сухих, скрученных временем листьев клёна... Как будто чьи-то сильные руки схватили его за бока, приподняли и повернули лицом к лицу с самим собою. И этот, второй, строго смотрит на него и настойчиво утверждает одно и то же: «Не своим делом занимаешься, приятель!»

Сергей понимал, что много лет выполнял ту работу, которая ему подходила. По максимуму использовались его способности и навыки. Радость от такой пахоты была, но какая-то суррогатная. Увы, Сергей не придавал этому значения, упорно занимаясь тем, к чему привык. Он считал, что придёт время, и всё выправится. Святая ложь! Ложь соблазна приготовления! О ней ещё Толстой писал. Время не приходит, оно только уходит... Постепенно, исподволь вызревало понимание: что-то идёт не так. Назревал внутренний кризис...

У Астахова начиналась чёрная депрессия. Уже целый месяц он чувствовал, что сердце действительно с левой стороны груди. Ему стало горько смотреть на этот мир. Было острое ощущение необходимости счастья. Может, алкоголь? Но он лишь на время помогал перевести душевную боль в головную. Сергей уже в который раз воображал, что поднимает высоко над головой руку с привязанным к ней «змеем» и бежит, бежит что есть духу по

берегу реки, на глазах у всей местной деревенской детворы. Запыхавшись, останавливается и смотрит вверх... Но в небе ничего нет...

«Нужно остановиться и подумать. Что-то не так в моей жизни...»

И снова, как утренний ливень отчаяния, откровений и откровенности, на память ему приходят слова Бодлера: «Чтобы не чувствовать ужасного гнёта времени, который ломит плечи и пригибает к земле, нужно упиваться – упиваться без устали. Но чем? – Вином, поэзией, добродетелью – что по вкусу, – только бы упиваться».

Вино – было. Добродетель... Ну, если это помощь в кризисных проектах... – тоже. Остаётся... Что же? Стихи писать?

5.

Волшебный сарай сделал своё дело. Астахов остановился. Новые проекты не начинал. Даже не слушал обыкновенно захватывающие его истории о проблемах

в отношениях собственников какого-нибудь выгодного бизнеса. Тем более – где-то в Европе. Всё! Финиш! Он для себя решил. Редкое, кстати, явление, чтобы Астахов и что-то решил. Почти как в его любимой книжке про больного физика «Ищите солнце в глухую полночь». Там врачи говорили главному герою: «Если будешь в науке – помрёшь через год. А так, без неё, проклятой, проживёшь ещё...»

Год прошёл. Теперь совсем новые эмоции захватывали Астахова. Семья, внучка, природа... Однажды, приехав к родственникам в Барселону, он забрёл в кафе. Заказал кофе и красивые гренки с джемом. Он обожает их хруст! Сидит, пьёт. У стойки три молодых испанца. Все говорят громко и, как здесь, наверное, принято, одновременно. Астахов пытался вначале что-то разобрать, – ведь учил специально каталонский. Нет. Ничего не понять! Допил кофе, подал знак, чтобы дали счёт. Никто не реагирует. Позднее он понял, что им, местным жителям, даже в голову не может придти такое – выпить кофе,

встать, заплатить и уйти. Куда?! Все сидят часами... Общаются, балдеют, любуются видами родного города. Сергей подошёл к стойке и произнёс, как смог: «У меня был один кофе с молоком и гренки». Другой реакции он и не ожидал. Официант, парень с красивой бородкой, приготовил чашку кофе и уже начал греть хлебцы. Сергей замахал руками. Парень спросил: «Инглиш?» «Но, руссо». Тогда официант вдруг притих, будто в нём что-то пробудилось. Может, генетически заложенная память, может, о гражданской войне, – подумал Сергей, – о русских добровольцах, среди которых был его отец, и о последнем оплоте республиканцев – Каталонии. Парень расплылся в улыбке, посмотрел на столик, за которым сидел Сергей, всё быстренько сообразил и выписал счёт...

Астахов был доволен произведённым эффектом. А что? Да, русский! Астахов был русским до самых недр. Поскреби его – найдёшь татарина, это с маминой стороны, с папиной – наверняка шведы допетров-

ской эпохи — куда без них? — и где-то притаилась загадочная латгальская бабушка. Короче, правильная русская ДНК. Густая и наваристая, как отцовские щи.

Вот такой набор хромосом и сотворил его. Но потом!.. В придачу к генам — мамины любимые ландыши и колыбельные, рассказы отца про войну в Испании и в Финляндии, его истёртые награды за Германскую и за Японскую. А ещё запах дворов на Турбинке, что у Нарвских ворот, и карболки в поезде «Москва-Ленинград», луговых трав и замоченных берёзовых веников в хорошо натопленной бане на берегу речушки на родине отца. Тут же ни с чем не сравнимый вкус ключевой воды и холодная водочка под солёные грузди, на столе холодец, хрен, лук, сало и блеск тающего масла на горячем разваристом картофеле, посыпанном свежим зелёным укропчиком... А где-то совсем рядом первые книжки, купленные в «Старой книге» самим Сергеем на деньги за сданные молочные бутылки... Толстой, Бальзак и Сервантес...

Всё это превратило Сергея Астахова из мальчишки в растерянного и задумчивого созерцателя. Он часто вспоминал понравившиеся ему слова про Маленького принца: «Самое главное – сказку не спугнуть и миру бескрайнему окна распахнуть». Море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникало в его душу, наполняло восторгом, умилением и не вполне понятной истомой. То же чувствовал он при звуках грустной мелодии Зацепина из фильма про Арктику «Красная палатка»...

Теперь в его сердце, будто в ядерном заряде, накопилась «критическая масса» и впечатлений, и переживаний, и болей. Потребовался выдох... Но что это такое? Сергей не знал. Он только чувствовал, что ещё чего-то не хватает. Это ничтожно малое должно было его задеть и удивить. Может, его прошлое, но по-новому осмысленное и вымученное им? Рассказывать жизнь свою самому себе должно быть очень интересно. Смотришь на себя, как на чужого, и забавно ловить мысли свои

на попытках соврать, спрятать что-нибудь...

Или иное, вовсе не о нём...

Астахов чувствовал, что внутри его живёт кто-то ещё, он слушает, следит за ним. Он стал замечать то, что раньше мелькало мимо, не задевая его внимания.

Недавно Сергей случайно услышал историю про двух влюблённых. Он лётчик, она – артистка. Первый раз в жизни они вдвоём летели в маленьком самолёте. Ох, как же ей хотелось окунуться в бескрайнюю синь, которая так часто была рядом с её женихом, потрогать руками его облака, увидеть ближе солнце, небо...

Не судьба! А причина одна... На ярком фоне героической профессии лётчика её сразу и не заметишь. Не умел он делать выбор в обыкновенных жизненных ситуациях. Не в своей каждодневной работе, где есть прямая опасность, – а там, где такого риска нет...

«Опять похоже на меня!» – мелькнула мысль у Сергея. Мелькнула и, как у древнего алхимика, вдруг превратилась в ме-

лодию... В ту самую музыку, которая только что была внутри и заполняла его сердце. Астахов не знал, почему именно в данный момент ему захотелось передать её словами. Просто сама собой возникала такая потребность: искать, угадывать, находить и выражать себя в этом.

Ведь так было с ним раньше. Так и теперь. Он делал то, что нравилось и увлекало... «Это, наверное, как у хорошего токаря, вышедшего на пенсию, – подумал Астахов. – Обязательно вернётся на завод, только чтобы вновь и вновь вдохнуть запах свежей металлической стружки...»

Ещё в школе в старших классах Сергей начинал писать всякую всячину. Тогда многие одноклассники увлекались французской поэзией, философскими трактатами Френсиса Бэкона, Томаса Гоббса, экзистенциалистов Сартра и Хайдеггера. Там в нём зародилась «первая любовь» к гуманитарным знаниям. Потом было всё вперемешку: чисто литературные опыты, научные статьи по химии и физике, затем политические в различных брошюрах,

опять научные, только уже по экономике и психологии. Постепенно накапливался жизненный опыт, расширялся кругозор. Разрешение кризисных проблем в банках, издательствах, в промышленных предприятиях различной специализации и в разных странах быстро учит премудростям «химии жизни». От научных работ Астахов постепенно и осознанно перешёл к научно-популярным.

Ему так было удобнее разъяснять одно и то же разным «носителям проблем». Поняв, что может сказать ещё многое, Сергей написал свой первый бестселлер об управлении отношениями и меняющимися ожиданиями – этакое эссе, взгляд его, Астахова, на психологическую проблему кризиса в бизнесе. Её даже перевели на английский!

Ближе к пятидесяти Астахов стал наконец-то вновь читать классику. Ещё десять лет назад это было для него немислимо. «Ну чему меня ещё научит Достоевский? – убеждал себя Сергей. – Если я ещё не знаком с целой кучей законов, так

необходимых для дела». Теперь его всё больше и больше влекло в иной мир, прочь от неопределённости, в состояние дремотного сытого покоя. Туда, где природа своим красочным многообразием лишь напоминала ему о его прошлом. Аккуратно постриженная травка на газонах, обыкновенный листочек, колышущийся на ветру... Особенно осины! Показывая то одну, то другую свою сторону, листок будто бы хвастался перед Сергеем! «Смотри, какой я разный! Круче, чем ты!» Редко, но если ночь была холодной, поутру бывало, что на нижних лапах елей появлялись хрупкие паутинки. Много тонких паутинок... Прикоснёшься – и они рассыпаются блестящими на солнце брызгами. «Это как у тебя в бизнесе!» А на фоне заходящего за кромку леса яркого оранжевого круга утренние белые берёзы стояли совершенно чёрные, и в молодом ельнике плутали последние отблески красного цвета. Будто кто-то не загасил косёр.... Как же приятно бывало, засыпая, чувствовать любимого пса Яшку! Он забирался на

кровать, прямо под одеяло, поворочается немного, упрётся в тебя спиной и вздохнёт протяжно. Так сладко и печально...

Если что-то в этом спокойном, прекрасном, новом для него мире шло не так, Сергей всегда сердился. Надо сказать – недолго. Инерция – ноль! Он знал: завтра будет или лучше, или хуже... И ничего тут не поделаешь! Всё происходит так, как происходит. Его отец в своё время уже принял все жизненно важные решения, Так сказать, исчерпал с лихвой лимит решительности, выделенный судьбой для всей семьи. Сергей же всегда вспоминал только два. Те, которые дались ему особенно трудно и мучительно. Уход из аппарата и из бизнеса. Хотя все знали, был ещё один «уход». Может быть, самый тяжёлый для Астахова. Но он о нём никогда не говорил. Его любимый пёс Яшка...

Даже в августе 91-го, когда он исполнял обязанности директора первого в стране акционерного общества, всё для него было обыденно. Исчез куда-то генсек и он же президент страны – да и лад-

но! Опять в каком-нибудь лифте застрял... Охране сдать оружие? Ради Бога! По телевизору «Лебединое озеро»... Неинтересно! Сидит себе Астахов в кабинетке, в джинсах, в футболке и в израильской курточке без рукавов, письма партнёрам строчит... Слышит, – топот в коридоре... Выглянул – народ куда-то бежит. Он тоже пристроился. Актальный зал уже полон, все стоят, кричат. На сцене вездесущие представители профкома и трудового коллектива. Что-то зачитывают...

Как он туда пролез, на сцену эту? Сергей не помнил. Успел вскочить, будто в последний вагон. Всё-таки и. о. директора! Он потом ещё долго стоял на проходной и, нарушая все инструкции, в рабочее время выпускал народ на Дворцовую площадь...

Его отец всю жизнь складывал на балконе банки с тушёнкой, мыло, соль и спички – «на чёрный день». Тот день так и не наступил, но Астахов ловил себя на том, что в ближайшем магазине уже останавливается около полок с тушёнкой.

Смотрит на банки задумчиво. Словно хочет спросить их о чём-то, почти как Гаев из «Вишнёвого сада», только наоборот.

Что же заставляло Астахова отвергнуть этот проверенный поколениями спасительный набор? «Дело здесь не в легкомыслии, непрактичности или глупости, – сам себе объяснял Сергей. – Всё дело в обострённом чувстве приятного и прекрасного, которое зародилось во мне не вдруг, а в результате многих лет непрерывного пребывания в процессе. В процессе якобы борьбы с кем-то, с чем-то и, главное, с самим собой». Это не позволяло Астахову даже подумать о том, что кто-то может погубить его выстраданное чувство особой красоты. Ведь для этого пришлось бы из всех ароматов его «невыносимой лёгкости бытия» сотворить нечто пресное, предсказуемое и рассудительное, превратить его узорное, разноцветное полотно жизни в пустой белый лист непригодившихся обоев.

Однажды к Сергею приехал одноклассник. Он с конца восьмидесятых жил

в Израиле, а потом перебрался в Америку. Профессиональный критик советской действительности – диссидент. Приехал и сразу бутылку из сумки достаёт: «Ещё помню, как у вас тут принято».

Астахов в грязь лицом не ударил. Наливал по полной и опрокидывал, наливал и опрокидывал... «Я покажу тебе, как мы ещё умеем!» – Сергей вдруг вспомнил, как они это ловко проделывали на выпускном вечере, позднее, во времена антиалкогольной компании, где-нибудь в большом научно-производственном объединении после заседания парткома... В гранёном стакане, как символе чего-то общественного, публичного, объединяющего, с дымящимся жидким азотом поверх живой влаги спирта и с куском колотого сахара на закуску... Вспомнил колющие и обжигающие кристаллики спирта на языке, бьющий в лицо холод от испаряющегося жидкого азота... И снова, в который раз Астахов мысленно вернулся к своему первому в жизни научному эксперименту... Его понесло в Арктику, в «пры-

гающую экспедицию», к пиночетовской хунте, в убогий домик на краю Кандагара, на бандитскую «стрелку», к «носителям проблем», к целому рою «номинальных директоров», а потом и к «настоящим директорам» – на самом деле всё таким же номинальным... Это былая экзотика его прошлой жизни.

Так вот, однокашник, оказывается, прочитал его книжку про бизнес. Долго не рассуждая, стал уговаривать Сергея начать писать не научно-популярную, а другую литературу, художественную... «Пиши про отца, про наше детство, юность, про вашу партию, про последние годы Советского Союза, про девяностые...»

Он так напирал, что Сергей по привычке подумал: «Вербует...» Хочет, чтобы и я получил какую-нибудь премию на Западе, а потом по заказу поливал нашу новую действительность...

«Ты же писал всякие научные статьи, записки, доклады и выступления? – обосновывал свои потуги бывший диссидент. – Писал! То есть можешь сесть и че-

рез „не могу“ что-то выдать! Понятно – лень! Вокруг такие прелести природы! А ты их забудь на мгновение – и лень и прелести... У тебя же инерции – ноль! Подбери музыку к словам и давай! Только начнёшь, и пойдёт, поедет... А помнишь, ты же обещал отцу, что расскажешь о его судьбе! Главное, не успеешь заметить даже, как получится что-то дельное. Да тебе и не надо замечать. Пусть само льётся. Другие заметят...»

Сергей, конечно, прислушался к мудрому совету приятеля по французской школе. И потом, кто советует-то? Профессиональный «критикан»! Глупо было бы проигнорировать. Всё-таки именно из-за этой самой критики Астахов уже дважды менял свою жизнь... Ещё выпили, вместе спели что-то из Джо Дассена, прочли по очереди наизусть монолог Сида, вспомнили одноклассников... Разбросало их по всему миру! Вот что вытворяет знание языка!

А перед прощанием Астахов не преминул рассказать свежий анекдот насчёт того, как сейчас читают книги.

«Приехали приятели в маленький городок. Один из них вдруг говорит: „На спор, спрячусь так, что не найдёте?“ Пospорили. Ищут, ищут – везде побывали, в долину спустились, все переулки протоптали, местных переспрашивали... Прошло время, вернулись на площадь. А парень сидит на земле и смеётся. „Где был?“ – спрашивают приятели. – „В библиотеке...“»

Постфактум

В беседке, увитой зеленью, слегка покачивается гамак. В нём лежит мужчина. Его лицо загорело, глаза полузакрыты. После утренней прогулки по длинному песчаному пляжу и купания – полежать, вытянуть ноги... Хорошо!

Внизу, у самой земли, над цветами маракуйи зависли крошечные, словно пчёлки, разноцветные колибри. Своими длинными язычками они высасывают сладкий нектар из ярких, слегка фиолетовых тычинок. Свежий ветерок с моря добирается сюда через песчаные дюны и невысо-

кие холмы, засаженные плантациями бергамота. Он безразлично перелистывает исчерканные страницы рукописи новой книги...

Всякому экстраверту не терпится поделиться своими эмоциями. Вот и он посылает друзьям по «e-mail» вариант за вариантом новой повести или рассказа... Дарит свои переведённые книжки всем местным знакомым и незнакомым, полицейским и продавщицам в ближайших магазинах... Потом, увидев их, потрёпанные, на подоконнике в любимившейся парикмахерской или уже ставшей родной зубной клинике, он понимает, что его «творения» берут и даже зачитывают... Правда, бывает, сидят при очередной встрече за чашкой кофе и взахлёб слушают его рассказы на непонятном то ли испанском, то ли каталонском языке. А ведь ничего нового он не говорит. Всё уже давно там, в его книжках...

Постепенно дрёма обволакивает сознание мужчины и отключает рассудок. Со всем как в детстве. Он парится в деревен-

ской бане. Пока тело разгорячённое – сразу в ручку. Потом вылезти и сидеть на берегу на зелёной траве, ни о чём не думая. От холодной воды сосуды сжимаются, голова начинает чуть-чуть кружиться, и сразу забываешь обо всём на свете...

В этот миг особенно приятно и непривычно вдруг услышать слова соседки, объясняющей кому-то из приезжих: “Com arribar al mar? Primer recte, després a la casa de l'escriptor a la dreta. És molt a prop!”*

Покачивания гамака почему-то усилились. Улетучились все запахи. Кроме одного. Он преследует мужчину повсюду и, наверное, останется с ним навсегда. Это жуткая смесь из приторного аромата цветущего мандарина и тяжёлого смрада от потных человеческих тел, крови, помоев, тошноты и кислого дыма крепких кубинских сигарет «Смерть под парусом».

---

* «К морю? Сначала прямо, потом у домика писателя направо... Это совсем рядом!» (катал.)

Венок соцветий Бориса Корнева

(О повести «Профессиональный дилетант»)

Немолодой человек, явно принадлежащий к образованному классу, сидит на полу в сарае, в новом наглаженном костюме, при галстукке, пьёт виски и что-то пишет на обратной стороне длинного, в несколько метров обойного листа... Представили себе такое? Представьте получше, ибо эта картина, собственно, и есть основной фон данной повести. Герой пишет летопись, летопись собственной жизни, – не развёрнутые мемуары, а краткие, отрывочные записки, перечисляет имена знакомых, что-то выделяет разноцветными фломастерами, что-то подчёркивает, ставит стрелки, крестики...

«Ещё одно, последнее сказанье, и летопись закончена моя...»

Главного героя повести автор назвал Сергеем Астаховым. Как хотите, но я не могу не представлять на месте Астахова самого Бориса

Корнева; дело тут не в том, что повесть во многом автобиографична... Автобиографичность – понятие очень скользкое; в особенности, если автор не задаётся определённой целью – писать именно мемуары и ничто иное. Я не знаю, да мне и не нужно знать, что из описанного в «Профессиональном дилетанте» действительно случилось с автором, что он описал со слов знакомых, а что и вовсе сочинил. Для меня важно другое...

«Профессиональный дилетант» – это своего рода свод творчества Бориса Корнева, или, может быть, путеводитель по его книгам. Повесть вдруг открывает связь между разными и, как казалось, совершенно не связанными между собой произведениями автора.

Я, разумеется, не хочу утверждать, что данная повесть – подведение итогов. Наверное, не зря автор добавил к слову «повесть» ещё одно словцо – «эссе». А эпиграф из Бунина... Да, это попытка взглянуть на прошлое свежим взглядом... И одновременно надежда «ещё одну весну узнать».

*Какая сладость всё, что прежде
Ценил так мало, вспоминать!
Какая боль и грусть – в надежде
Ещё одну весну узнать.*

Тем более, для окончательного подытоживания время ещё не наступило; насколько мне известно, автор уже нацеливается на новую книгу, и она, конечно, будет не последней...

Суть в том, что «Профессиональный дилетант» – я уж не скажу, вольно это сделано или не вольно, – собрал на своих страницах отсылки ко всем (буквально – ко всем!) книгам Б.Ф. Корнева. Читая, постоянно ловишь себя на мысли: «Это прозвучало в „Дальтонике“... Это я помню по „Бухте Провидения“... Вот герой из „Тандема“... Вот тема из „Танца Психеи“... А это – „Немедленно ждать!“...»

Хочу особо отметить: у меня ни разу не возникло ощущения, будто писатель занят самоцитированием, перепевами самого себя. Тут не повторение – тут, наверное, та самая спираль, о которой нам говорили когда-то преподаватели диалектического материализма: возвращение к той же точке, но на более высоком уровне. «Такая вот жизненная метаморфоза! – пишет Борис Корнев о судьбе своего героя Сергея Астахове. – Своеобразная иллюстрация закона развития „Отрицание отрицания“ на судьбе одного отдельно взятого индивида».

Что же это за новый уровень, что за новая ступень?

Есть такой хитрый поэтический жанр – венок сонетов: пишется цикл из четырнадцати стихотворений, причём последняя строка предыдущего непременно должна стать первой строкой последующего, а последняя строка финального сонета – начальной строкой первого. Но мало этого: все первые строки всех четырнадцати стихотворений должны вместе составлять ещё один сонет – пятнадцатый, который обобщает смысл всего поэтического цикла. Этот пятнадцатый – составной – сонет называется мадригалом.

Так вот «Профессиональный дилетант», на мой взгляд, и есть такой мадригал (правда, прозаический), собирающий гирлянду всех прежних сюжетов Корнева в венок, завязывающий узел этого венка. А ведь мадригал можно читать и в отрыве от всех прочих произведений цикла, – он имеет и самостоятельную ценность. Когда Б.Ф. Корнев издаст собрание своих сочинений, «Профессиональный дилетант» должен, на мой взгляд, непременно занять в этом собрании особое место, быть каким-то образом выделенным, ибо он – ключ ко всем прочим произведениям писателя. Только он, объединяя в себе некоторые, весьма важные, мотивы, сможет до конца договорить то, что сказано в «Дальтоники», «Тандеме», «Реальной четвёрке».

Но я всё время думаю: как прочтут «Профессионального дилетанта» люди, впервые открывшие для себя писателя Корнева? Те, для которых ни одна фраза не вызывает в памяти воспоминаний о чём-то уже читанном? Что увидят в повести они? Думаю – вот так...

Передо мной всё та же картина: профессиональный дилетант Сергей Астахов сидит в сарае в деревне на родине отца и покрывает обойный лист хаотическими, для постороннего глаза бессмысленными заметками. Сергей Астахов за свою жизнь успел побывать и учёным, и партийным работником, и бизнесменом; он спасался на льдине в Северном Ледовитом, сидел под обстрелом в грязном укрытии в Кандагаре, летал в Чили, когда там свергали Альенде... Бурная жизнь, интересная – не то что у иного мемуариста. Но Астахов пишет не мемуары, – «смотришь на себя, как на чужого, и забавно ловить мысли свои на попытках соврать, спрятать что-нибудь...» – он чертит схему своей жизни, – и не внешних её событий, но внутренних, глубинных связей... «Море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникало в его душу, – пишет Корнев о своём герое, – наполняло восторгом, умилением и не вполне

понятной истомой. То же чувствовал он при звуках грустной мелодии Зацепина из фильма про Арктику „Красная палатка“»...

Он всю жизнь менялся, как Протей из древнегреческого мифа, он, как говорит автор: *«покоился на трёх „китах“»:*

– «В одно и то же время быть и здесь, и там»,

– «Немедленно ждать – своими решениями не уменьшать количество возможностей»,

– *«А если уж начинать, то с мелочей – дьявол именно там».*

Неопределённость как цель; дилетантизм как профессия... До сих пор Астахов считал, что в этом – его сила, и вдруг сила обернулась душевным кризисом, едва ли не болезнью... И вдруг, после нескольких дней «самолечения» в сарае над листом обоев и бутылкой виски, разрозненные листы пёстрой жизни Астахова собираются в единую книгу – или, опять-таки, сплетаются в единый венок, и венок этот – творчество.

Вдруг оказалось, что дилетантство во многих сферах оборачивается профессионализмом в одной – в литературе. Всю жизнь герой скользил над человеческой суетой, внимательно всматривался в неё, ни разу при том не опускаясь в гущу людских интересов, ни-

чего не принимая слишком близко к сердцу, ничего не делая своей главной функцией, оставляя за собой право «не уменьшать количество возможностей», – пока, наконец, единственная значимая возможность сама не обернулась реальностью. Богатый жизненный опыт дилетанта стал фундаментом для работы профессионала.

Существует ведь два пути в литературу: или тебя в младенчестве Муза поцеловала в макушку, и ты, едва научившись говорить, начинаешь слагать свои песни (это, как правило, путь поэта), или ты достаточно долго идёшь по жизни, почти не подозревая о цели пути, ни к чему душой не прилепляясь, но всё с любопытством изучая, как вдруг понимаешь, что пришла пора рассказать об увиденном (это путь многих прозаиков). Корневский Сергей Астахов – типичный представитель второго пути; всю жизнь он без сожаления менял одну маску на другую – с комсомольского активиста на учёного, с учёного на партийного функционера, с партаппаратчика на бизнесмена и т. д. – понимая, что ни то, ни другое, ни третье не написано ему на роду, и лишь прожив половину жизни, затосковал по своему подлинному лицу. И, будучи человеком умным, способным самостоятельно решать собственные

проблемы, он это своё лицо нашёл. В сущности, вся повесть есть описание того «мозгового штурма», который предпринял Астахов, спасаясь от душевного кризиса, – и, честное слово, я что-то не припомню подобных сюжетов в мировой литературе.

Книги Бориса Корнева всегда в высшей степени историчны: история в них (чаще всего недавняя, не уходящая глубже второй половины XX века) есть главный герой повествования. Каждый корневский персонаж движется в мощном потоке своей эпохи. Плывёт по течению? В какой-то степени да, – но ведь и по течению можно плыть по-разному: или захлёбываясь в воде, не понимая, куда тебя несёт, бессмысленно барахтаясь среди волн; или, как в серфинге, пытаешься оседлать поток, внимательно смотря по сторонам, умело лавируя, самостоятельно выбирая место, где лучше всего причалить. Герои Корнева, как правило, принадлежат к этому, второму типу, – и Астахов тут не исключение. Его плавание проходило в тех бурных водах, в которых затонул Советский Союз. Сам писатель говорит о той эпохе так:

«Тогда многие по несколько раз вынужденно ломали свою жизнь и потом мучитель-

но искали любую кочку, на которую можно было бы опереться в трясине всеобщей неопределённости. Вокруг были иные люди и непривычные, несовместимые понятия и эмоции... Многие к таким поворотам судьбы были не готовы. „Когнитивную ригидность“ приходилось гасить. Одни заливали душу алкоголем. Другие, наталкиваясь на разбросанные повсюду завлекающие игрушки, ринулись в бизнес. И те, и другие потом пополняли своими надгробиями городские кладбища... Так или иначе, но всё это время каждый искал свой приют души, этакую Бухту Провидения. Не тихую гавань, где можно укрыться от житейских бурь! Другое! Место, где не успеваешь фотографировать всё, что тебя окружает. Дело, которое сначала раскрыло твои способности, а затем позволило их реализовать...»

Ход истории предопределял жизненный путь Сергея Астахова. Его «профессиональное дилетантство» обуславливалось годами умирающей советской власти, когда ни одно из дел не казалось прочным, настоящим, всё было похоже на детскую игру для совсем взрослых мальчиков – «марксизм-ленинизм», «мировая соцсистема» и т. д. – не верилось, что этим можно заниматься всерьёз. Тут был простор для профессионального дилетанта,

но ещё больший простор открылся, когда советская власть окончательно рухнула, и дилетантами вдруг оказалось большинство населения страны. Вокруг царил дилетантский бизнес, дилетантский рынок, дилетантская демократия, дилетантское искусство... В этой эпохе профессиональный дилетант мог чувствовать себя вполне в своей тарелке: поток времён нёс героя, но герой сумел воспользоваться направлением потока в своих целях, — пока однажды не понял, что пора причаливать к своему собственному берегу, выйти из истории и стать самостоятельной единицей мироздания. Поистине, задача для титана!

Тут мне сразу приходит на память другая повесть Б.Ф. Корнева — «Дальтоник» (мы ведь знаем, что «Профессиональный дилетант» — это свод корневского творчества, а, следовательно, отсылка к другим его произведениям будет более чем уместна). Итак, «Дальтоник»: рассказ о красноармейце, который в хаосе первых дней Великой Отечественной не согласился жить по правилам времени — отступать, удирать, бросать города, — но решил стать самостоятельной боевой единицей и организовал на оккупированной территории партизанский отряд в количестве одного человека — себя самого. Мне кажется,

что сюжеты «Дальтоника» и «Дилетанта», в сущности, идентичны – только исторический антураж различен. Командир, вырывающийся из сплошного потока отступающих, чтобы выполнить своё главное назначение – драться с врагом; или писатель, вырывающийся из потока всесветного дилетантства, чтобы создавать книги, – разница тут такова, что ею можно пренебречь. Зато общее – титанический прорыв из исторического потока к свободе самовыражения. Б.Ф. Корнев уточняет эту мысль так:

«Каждый обладает естественной склонностью к той деятельности, в которой он добивается успеха. Тогда он чувствует себя на своём месте. К сожалению, большинство людей осваивают профессии, к которым их подвёл случай или „поводырь“ – в хорошем смысле этого слова. Но к этим профессиям у них нет реальной склонности, они делают её всего лишь источником своих доходов. Это не мало, надо сказать, однако, опять-таки есть одно „но“. В итоге они забывают или – ещё хуже – даже не раскрывают свои естественные способности. Навыки формируются. Это – да. Но ведь, если не отличать таланты от навыков, то можно всю свою жизнь прожить, так и не раскрыв себя.... И тогда из всех ароматов „не-

выносимой лёгкости бытия“ пришлось бы сотворить нечто пресное, предсказуемое и расчётливое, превратить его (Сергея Астахова. – А. Л.) узорное, разноцветное полотно жизни в пустой белый лист непригодившихся обоев».

Итак, «Профессиональный дилетант» – это история мозгового штурма, история прорыва и взлёта. Мы знаем немало книг, рассказывающих о становлении некоего писателя (лондоновский «Мартин Иден», например), – все они говорят о более или менее традиционном пути в литературу: от ученичества к первым, ещё незрелым опусам, и далее – к шедеврам... Это путь, совершаемый в условиях относительной стабильности общества, где всякая социальная роль уже расписана и способы её достижения заранее определены. Но в кризисные эпохи эти способы работать перестают, и тот, кто хочет достигнуть выбранной цели, должен сам прокладывать себе путь почти наугад. Возможно, путь при этом становится значительно более длинным, – это не важно, лишь бы он привёл к цели, к той самой «Бухте Провидения», лежащей уже вне исторической предопределённости. Такому, кризисному, пути посвящена повесть Бориса Корнева; вот чем она ценна для всякого чита-

теля, – не только для тех, кто хорошо знаком с творчеством Бориса Фёдоровича.

И всё-таки – веночек сонетов, мадригал!.. Корнев, к счастью, из тех писателей, кто пишет «романы с продолжением», – но не сюжетную линию протягивает из одной вещи в другую, а мысль, мировоззрение, образ... Он чётко выстраивает свой собственный мир, его вселенную не спутаешь ни с какой другой, его пространство всегда жёстко организовано, всегда очерчено скупыми, но точными и энергичными штрихами. Его рука – рука не живописца, а графика, гравёра-виртуоза; даже говоря о такой расплывчатой, трудноуловимой материи, как сознание поэта-символиста (я имею в виду его рассказы и эссе о Шарле Бодлере), он не пускается в прихотливые фантазии, он остаётся ясным и определённым. Его повести – это звенья одной мысленной цепи... Веночек сонетов – это определение очень подходит к его творчеству, ибо сонет не терпит бесформенности, сонет – это чёткая словесная конструкция с ясной мыслью и зримыми образами. Веночек сонетов – это переход из мысли в мысль, что так соответствует творческой манере Б.Ф. Корнева. Сегодня этот веночек мастерски завершён мадригалом, – но законы прозы более обширны и разносторон-

ни, чем законы поэзии, – там, где поэт ставит точку, прозаик продолжает свой труд. И мы знаем, что новая повесть, словно ключ раскрывающая некоторые тайные двери прежних работ писателя, откроет путь и к будущим его произведениям.

Антон ЛУНД
8 августа 2017 г.

Содержание

Профессиональный дилетант (повесть-эссе)	3
<i>Антон Лунд</i> . Венок сонетов Бориса Корнева: О повести-эссе «Профессиональный дилетант»	105

Борис Фёдорович КОРНЕВ
Профессиональный дилетант
Повесть-эссе

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 25.08.2017. Формат 60 × 90 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 3,75 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 25892

Отпечатано в типографии «Арт-экспресс»
199155, Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, 17, к. 3

Борис Фёдорович КОРНЕВ

(www.boriskornev.com)

родился в Ленинграде – российский писатель, прозаик, эссеист, известный специалист в области управления в условиях кризиса и неопределённости.

Автор научных работ по вопросам экономики и психологии кризисных ситуаций.

Член Союза писателей России, член редколлегии альманаха «Северные цветы», лауреат литературных премий.

Книги Б.Ф. Корнева переведены на английский, французский и испанский языки и приняты в фонды национальных библиотек России, ряда европейских стран, Латинской Америки и Канады.